ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяцъ . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяцъ . . 4 р. — к.

Отдѣльн. нумера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяцъ . . 6 р. —

на 6 мѣсяцъ . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ . . . 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ ред. Сиб. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб., Конногвардейская ул., д. 55, кв. 17, а также въ книж. маг., Вольфа, Нев., Гостин. дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книжн. магазинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Инородческая школа и туркестанскіе руссификаторы. — Необходимая помощь. *Ред.* — Хроника. — Корреспонденціи: изъ Вѣрнаго, Иркутска, Омска, Красноярска, села Обдорскаго, Туркестана и изъ Верхоянскаго округа. — Инородскій вопросъ. *Г. П.* — Очерки частной золотопромышленности въ Сибири. *Аза.* — Студенческія и литературныя воспоминанія сибиряка. — Хроника жизни за недѣлю. — Почтовый ящикъ.

ПОДПИСКА на „ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ за 2-е полугодіе принимается съ 1-го іюля. За первое полугодіе остается ограниченное число экземпляровъ.

Новый адресъ редакціи и конторы «Восточн. Обозр.»: редакція находится въ С.-Петербургѣ, Кавалергардская улица, д. 20, кв. 3; контора редакціи—Спб., Конногвардейская улица, д. 55, кв. 17.

ИНОРОДСКАЯ ШКОЛА И ТУРКЕСТАНСКІЕ РУССИФИКАТОРЫ.

Инородскій вопросъ одинъ изъ немаловажныхъ вопросовъ русской жизни, въ силу особеннаго нашего этнографическаго и политическаго склада, недавно былъ затронуть нѣсколькими статьями столичныхъ газетъ. Статьи эти касаются просвѣщенія туркестанскихъ инородцевъ и проектовъ русскихъ педагоговъ въ Туркестанѣ, гдѣ на засѣданіи туркестанскихъ городскихъ учителей было предложено 16 вопросовъ. Въ числѣ этихъ вопросовъ былъ поставленъ вопросъ о ремесленномъ обученіи инородцевъ, причемъ весьма громко было провозглашено: „на сколько распространеніе ремеслъ, идущее объ руку съ грамотностью, представляетъ естественную и необходимую стадію для кочевниковъ“; далѣе поднять былъ весьма важный вопросъ для туземцевъ о привлеченіи ихъ въ школы съ допущеніемъ при этомъ преподаванія мусульманской религіи. Вопросъ этотъ поднять былъ однимъ изъ туземцевъ въ виду того, что русская школа при нынѣшнихъ условіяхъ запугиваетъ туземцевъ. Какъ видимъ, дѣло это весьма серьезное, чтобы не остановиться на немъ. Къ сожалѣнію, какъ сообщаютъ, туркестанскіе педагогическіе съѣзды шли не особенно удачно. По крайней мѣрѣ, на счетъ предложенной оригинальной системы преподаванія ремеслъ съ гигиеническою цѣлью одна газета весьма остроумно замѣтила, что хотя здѣсь будутъ производиться халаты и другія принадлежности

гигиенично, но къ употребленію могутъ оказаться негодными. Другая изъ петербургскихъ газетъ приняла подъ защиту добрыя намѣренія туркестанскихъ педагоговъ по части ремесленности. Но ремесленность ремесленности рознь, и, конечно, для этого требуется нѣкоторое уясненіе, что и для чего заводится.

Не знаемъ, на сколько компетентны были туркестанскіе педагоги въ вопросѣ мѣстной ремесленности, но насъ этотъ вопросъ занимаетъ чисто съ культурной стороны. Туркестанъ и Бухара, находясь въ превосходныхъ климатическихъ условіяхъ, гдѣ произрастаетъ хлопокъ и водится шелковица, весьма давно славились тканями. Азіатскія ткани изъ Бухары снабжали Сибирь во всё прошлое столѣтіе. Бухара и Туркестанъ были съиздавна центромъ азіатской культуры, здѣсь процвѣтала масса кустарныхъ производствъ — выдѣлка шерсти, сафьяна была превосходна и въ древнее время перенесена отсюда въ Сибирь; производилось сносное желѣзо и сталь, различныя украшения. Мы не знаемъ, въ какомъ положеніи туркестанская кустарная промышленность находится съ нашимъ пришествіемъ. Есть ли остатки прежней ремесленности, гдѣ найти подробное описаніе этой ремесленности, и собраны ли о ней свѣдѣнія, весьма любопытныя въ отношеніи исторіи культуры? Поднять эту кустарную инородческую промышленность сартовъ и осѣдлаго населенія Туркестана было бы полезнѣе и рациональнѣе педагогическаго отвлеченнаго плана распространенія гигиеническихъ ремеслъ среди кочевниковъ, вообще весьма не наклонныхъ къ ремесленности. Этнографическія и культурныя изслѣдованія могли бы показать нашимъ руссификаторамъ, что кочевникъ всегда предпочиталъ покупать мануфактуру и весьма мало расположенъ заниматься заводскимъ и ремесленнымъ трудомъ. Для этого надо пройти предварительныя степени культуры.

Еще менѣе удачно разрѣшенъ былъ вопросъ о преподаваніи въ школахъ. Вотъ что замѣчаетъ „Новое Время“ по этому поводу. „Мысль о преподаваніи Закона Божія въ народной школѣ для мусульманъ, — по магометанскому обряду, — показала большинству собранія чѣмъ то ужаснымъ, и пред-

сѣдатель его, преподаватель туркестанской учительской семинаріи М. А. Миропіевъ, поскакалъ даже въ Америку за примѣромъ, что преподаваніе религіи должно составлять естественную заботу каждой отдѣльной семьи. Къ чести собранія слѣдуетъ однако сказать, что нашлись люди, взявшіе въ этомъ случаѣ сторону „туземца“ и посовѣтовавшіе г. Миропіеву прежде путешествія въ Америку справиться съ положеніемъ школы на Кавказѣ, гдѣ преподаваніе религіи по корану не влечетъ за собою никакихъ гибельныхъ послѣдствій“.

Намъ кажется, что относительно пріемовъ преподаванія и успѣховъ распространенія просвѣщенія между инородцами можно было бы ходить и не такъ далеко. Туркестанскимъ руссификаторамъ можно посовѣтовать обратить вниманіе хоть на состояніе школъ въ кульджинскомъ раіонѣ.

Въ только что вышедшихъ статистическихъ матеріалахъ кульджинскаго раіона, составленныхъ весьма добросовѣстно Н. Н. Паптусовымъ, мы находимъ поучительную страницу о ходѣ образованія въ этомъ раіонѣ. Вотъ что говоритъ этотъ официальный отчетъ о единственной русской школѣ.

„Изъ русскихъ учебныхъ заведеній въ кульджинскомъ раіонѣ существуетъ одно—„русско-китайско-таранчинская народная школа“, открытая 6-го февраля 1873 года стараніями мѣстной администраціи. Назначеніе школы сей заключается въ томъ, чтобы познакомить туземцевъ съ русскимъ языкомъ и грамотой и дать имъ элементарныя познанія въ ариметикѣ и естественной исторіи и въ тоже время предоставить возможность проживающимъ въ г. Кульджѣ русскимъ къ обученію дѣтей своихъ грамотѣ“.

„При учрежденіи „русско-китайско-таранчинской народной школы“ главнымъ образомъ имѣлось въ виду, что дѣти туземцевъ, проучившись въ школѣ два—три года, должны получить не только элементарное образованіе, но выучиться по-русски и что нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть хорошими переводчиками, остальнымъ же полученное образованіе и знаніе русскаго языка будетъ полезно въ ихъ промышленности и торговлѣ, а также на общественной службѣ. Несомнѣнная съ этой точки зрѣнія польза русской школы была объяснена туземцамъ, послѣ чего даже таранчинское духовенство, узнавъ, что школа будетъ чужда всякаго религіознаго, въ ущербъ мусульманству, элемента, содѣйствовало ея открытію и успѣхамъ и убѣдило отцовъ семействъ отправить своихъ дѣтей въ школу безъ всякаго страха. Въ особенности было важно здѣсь благоприятное вліяніе главы духовенства Казы-Калина. Безъ сомнѣнія, учрежденіе школы, поступленіе въ нее дѣтей туземцевъ не состоялось бы безъ вліянія и убѣжденій мѣстныхъ властей, но вліяніе это было чисто нравственное. Отцы въ концѣ концовъ отдали своихъ дѣтей въ школу—одни по убѣжденію въ пользѣ ученія, другіе, конечно большинство, желая сдѣлать угодное русскому и туземному начальству и духовенству, которые дружно хлопотали о наполненіи школы туземцами“.

„Получившая на такихъ началахъ свое существованіе „русско-китайско-таранчинская народная школа“ въ первое время имѣла 26 таранчинскихъ мальчиковъ, къ концу же 1875 года ихъ состояло въ школѣ только 1. Подобное явленіе обуславливается слѣдующими обстоятельствами: въ годъ основанія школы туземная администрація, какъ уже выше сказано,

принимала дѣятельное участіе въ дѣлѣ школы, существеннымъ образомъ выказавъ его тѣмъ, что общества, въ виду бѣдности большей части родителей—таранчей, давали средства для существованія посѣщавшимъ школу дѣтямъ. Съ теченіемъ времени это доброе начало погасло: общества не стали оказывать матеріальной поддержки, туземная администрація замолчала, ученики, не имѣя пропитанія, принуждены были выйдти изъ школы и искать работы у богатѣйшихъ таранчей для своего существованія. Въ первое время, правда, было въ школѣ нѣсколько дѣтей и богатыхъ родителей. По апатіи, свойственной азіатцамъ, эти послѣдніе, поступивъ уже взрослыми, учились недолго и, достигнувъ 16—17 лѣтъ отъ роду, возраста женитьбы, женились и, оставивши школу, стали заниматься торговыми дѣлами—одни у своихъ родителей, другіе у постороннихъ лицъ“.

Дѣйствительно, мы видимъ изъ таблицы, что въ 1877 г. русскихъ въ этой школѣ было 15 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ—дѣтей чиновниковъ, мѣщанъ, солдатъ и казаковъ, и только 1 крещеный китаецъ! Поступило въ 1877 г. 5 русскихъ, 4 магометанъ—таранчей и 1 калмыкъ—идолопоклонникъ. Въ томъ же году 2 магометанина уже оставили школу, и осталось въ этой школѣ только 2 магометанина, 1 калмыкъ и 1 крещеный китаецъ. Плачевные результаты! Посмотрите же на школы туземныя, созданныя самими инородцами. Въ 1876 году такихъ школъ въ кульджинскомъ раіонѣ было: „магометанскихъ (у таранчей, дунганъ, сартовъ и киргизовъ)—266, въ нихъ учащихся мужскаго пола 3,137, женскаго пола 1,274; калмыцкихъ школъ 66, учащихся мужскаго пола 457; китайскихъ школъ 3, учащихся мужскаго пола 42; сибоскихъ школъ 8, учащихся мужскаго пола 377“.

„Всѣ означенныя школы частныя и содержатся духовенствомъ магометанскимъ или буддйскимъ, т. е. муллами и ламами на свой счетъ съ полученіемъ за это вознагражденія отъ родителей дѣтей, приходящихъ къ нимъ учиться; напри- мѣръ, каждый ученикъ приноситъ ежедневно къ наставнику по 1 коп., иногда трудъ вознаграждается и большимъ, смотря по состоянію родителей учащихся. Школы эти помѣщаются при домахъ муллъ и мечетяхъ. Характеръ и назначеніе каждой изъ нихъ опредѣляется уже однимъ названіемъ ихъ. Методъ обученія дѣтей заключается: въ произношеніи буквъ, слоговъ, рѣчей и текстовъ большею частью безсознательно изъ книгъ религіознаго и духовнаго содержанія“.

„Число учащихся во всѣхъ школахъ кульджинскаго раіона въ позднѣйшее время, въ 1876 году, составляло 4,041 мальчиковъ и 1,296 дѣвочекъ, всего 5,337. Цифра эта составляетъ только около 6,4% числа осѣдлага населенія (около 82,142 душъ) и едва 4% всего населенія раіона“.

„Ученыхъ обществъ, музеевъ, библиотекъ и проч. въ кульджинскомъ раіонѣ нѣтъ, за исключеніемъ, впрочемъ, библиотеки, существующей у квартирующаго въ г. Кульджѣ 10-го туркестанскаго линейнаго баталіона“.

Уже одно сопоставленіе этихъ цифръ и успѣховъ русскаго и инородческаго образованія могло бы навести на размышленіе. Русская административная школа, какъ видимъ, совершенно отстаетъ, за то мѣстное населеніе продовольствуется магометанской и буддйской грамотностью. Эти же школы только и поддерживаются населеніемъ. Отчего же это происходитъ? Не потому ли, что старая магометанская и буддйская школа мало того что удовлетворяетъ міросозерцанію

окружающей среды, но и завоевала себѣ извѣстный нравственный авторитетъ. Для полученія этого нравственнаго и духовнаго авторитета и должна состязаться съ ними и всякая другая школа. Что сердца покоряются и люди слушаютъ учителей не по принужденію, а подѣ влияніемъ нравственныхъ стимуловъ, это должно быть извѣстно и педагогамъ. Вотъ почему всякое запрещеніе, насиліе и принужденіе въ инородческой школѣ нецѣлесообразно и поведетъ къ тому, что населеніе ее броситъ.

Лица, подобныя г. Миропіеву, могутъ, правда, посоветовать уничтожить совершенно прежнія инородческія школы, но человѣкъ, менѣе фанатичный и болѣе просвѣщенный, пойметъ, что это только усилитъ инородческій фанатизмъ, а пользы не принесетъ. Вся задача сводится здѣсь не къ тому, чтобы уничтожить послѣднее проявленіе грамотности и убить первые проблески религіознаго чувства, а въ томъ, чтобы въ инородческую школу провести науку, ознакомить съ истинами этой науки на томъ языкѣ, на какомъ послѣдняя доступна населенію. Все здѣсь заключается въ искусствѣ и умѣньѣ цивилизованнаго человѣка. Познакомить инородца съ европейскою наукой, привлечь его къ ней, конечно, задача не легкая, но возможная. Для достиженія ея нужно изученіе инородческой среды, языка, нравовъ; нужно гуманное отношеніе къ этой средѣ и терпимость. Но этими то способностями и терпимостію, какъ видно, наши ташкентскіе руссификаторы не обладаютъ, оттого и школа ихъ представляетъ судьбу школъ кульджинскаго района.

Едва ли помогутъ одни громкіе возгласы объ обрусеніи и нетерпимости къ инородческому элементу, когда для нравственнаго и умственнаго преобладанія нужна высокая культура и вѣрное пониманіе своихъ задачъ.

НЕОБХОДИМАЯ ПОМОЩЬ.

27 мая телеграмма изъ Восточной Сибири принесла печальную вѣсть о смерти молодаго ученаго И. В. Щеглова. Въ свое время мы сдѣлали небольшую характеристику покойнаго и присоединили нѣсколько біографическихъ чертъ, извѣстныхъ намъ. Теперь мы получили болѣе полную свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ этого любимаго учениками педагога, симпатичнаго человѣка и честнаго гражданина.

Со времени выѣзда изъ Иркутска несчастія преслѣдовали этого безукоризненнаго ученаго дѣятеля. Мало того, что онъ въ Троицкосавскѣ поставленъ былъ въ самыя невыгодныя условія для ученыхъ трудовъ, онъ долженъ былъ также снзуть педагогическую дѣятельность: получалъ онъ здѣсь меньшее содержаніе—всего 48 р. съ семьей; въ добавленіе къ сквернымъ матеріальнымъ обстоятельствамъ при перемѣнѣ мѣста на семью покойнаго обрушились болѣзни. Прежде всего, погибъ во время переѣзда несчастный ребенокъ, первая дочь, которую безумно любилъ молодой отецъ. Со смертію этого ребенка покойный И. В. Щегловъ сталъ мраченъ, молчаливъ и апатиченъ, общаются его домашніе. Онъ не могъ не видѣть, что причина гибели его ребенка—переводъ въ Троицкосавскъ, для чего онъ не подалъ никакого повода. Молодой человѣкъ слабого здоровья началъ таять. Жена его тоже болѣла, наконецъ, въ мартѣ постигло ихъ новое несчастіе, заболѣваетъ сестра покойнаго, дѣвочка 13-ти лѣтъ, привезенная имъ изъ Москвы,

чтобы воспитать; она умерла подѣ влияніемъ того же климата отъ скоротечной чахотки. Новый нравственный ударъ уменьшилъ силы труженика. Слабая комплекція его сильно пострадала, энергія была подавлена, грудь надломлена, силы падали; въ это время онъ простудился, и горловая болѣзнь при болыныхъ легкихъ въ 13 дней сразила его окончательно.

Въ данную минуту представляется особенно трагичнымъ положеніе семьи покойнаго Ивана Васильевича. Онъ оставилъ жену беременной и безъ всякихъ средствъ. Мы получили одно изъ писемъ этой несчастной матери, въ которомъ она пишетъ: „Осталась одна я, съ ребенкомъ подѣ сердцемъ. Со всѣми передрыгами, которыя намъ пришлось вынести съ Иваномъ, у насъ не осталось ни гроша. Жалованье покойный получалъ съ переводомъ въ Троицкосавскъ всего 45 р.“ „Спасибо докторамъ, продолжаетъ письмо, что хоть они заботились и лечили Ивана безъ копейки. Давно собираюсь публично передать благодарность г. Шестаковичу и Звѣреву“. Послѣ похоронъ явился вопросъ—„какъ жить, куда приклонить голову“. Послѣ стѣсненной жизни остались только долги. Доктора совѣтовали немедленно ѣхать изъ города, гдѣ и климатъ вреденъ, и жить нечѣмъ. По пріѣздѣ въ Иркутскъ, какъ видно изъ писемъ несчастной женщины, она кинулась прежде всего въ восточно-сибирскій отдѣлъ географическаго общества, гдѣ мужъ ея печаталъ свои работы, но въ этомъ отдѣлѣ ей ничего не могли сказать, такъ какъ господинъ секретарь уѣхалъ и дѣла стоять *). За труды покойному отдѣлу не платилъ и теперь вопроса о гонорарѣ не было поднято. Не найдя здѣсь поддержки, вдова обратилась къ другимъ лицамъ, но они также ничего не могли для нея сдѣлать. „Мнѣ совѣтуютъ ѣхать въ Енисейскъ на родину, пишетъ бѣдная женщина, но что же я тамъ буду дѣлать, когда у меня нѣтъ тамъ ни роду, ни племени. Положительно не знаю, куда мнѣ обратиться, кого просить. Какъ подумаю, какъ буду жить безъ Ивана съ ребенкомъ, такъ мнѣ становится до того тяжело, что, кажется, не задумалась бы наложить на себя руки. Вѣдь все равно жить не на радость придется“.

Вотъ еще отрывокъ письма. „Что же мнѣ остается? лечь и умирать или, прости Господи, Богъ знаетъ что сдѣлать съ собой, искалѣчить себя, погибнуть, какъ всѣ молодыя женщины гибнутъ? И все за что же? За то что мой мужъ былъ честнымъ человѣкомъ“.

Эти слова надрывающаго душу письма свидѣтельствуютъ, въ какомъ положеніи находится вдова ученаго и педагога. Мы послали немедленно телеграмму ей, увѣдомляя, что друзья покойнаго не забудутъ семьи и ребенка. Съ своей стороны, мы заносимъ это извѣстіе къ свѣдѣнію сибирскаго общества и нашихъ земляковъ, полагая, что они поймутъ свои обязанности. Тѣ, кто приносилъ жизнь, личное счастье и счастье семьи обществу дѣлу и наукѣ, тѣ въ правѣ были ожидать, что общество позаботится объ ихъ сиротахъ.

Желающіе оказать помощь семьѣ И. В. Щеглова могутъ адресовать пособія въ нашу редакцію или другія, для передачи Марьѣ Николаевнѣ Щегловой, въ Иркутскѣ, Трапезниковская улица, д. Попова.

Ред.

*) Секретарь отдѣла г. Агапитовъ отстаивалъ, что у отдѣла нѣтъ средствъ издать труды Щеглова, а самъ взялъ изъ отдѣла 200 р. и уѣхалъ въ отпускъ. Понятно, что вдова не могла ничего добиться.

ХРОНИКА.

ТОМСКИЙ МУЗЕЙ.

Въ засѣданіи 2 мая 1884 года Томской городской думѣ было доложено заявленіе гласнаго Б. П. Шостаковича, который, въ виду открытія въ будущемъ 1885 году сибирскаго университета, предложилъ думѣ принять на себя основаніе въ Томскѣ «Сибирскаго Музея» и затѣмъ въ день открытія университета преподнести собранное въ даръ ему, съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы музей по извѣстнымъ днямъ, напримѣръ, воскреснымъ, былъ доступенъ бесплатно для публики. Г. Шостаковичъ выразилъ убѣжденіе, что все сибирскія думы и отдѣльные лица сочувственно отнесутся къ почину томской думы и не откажутся отъ участія какъ въ матеріальной поддержкѣ, такъ и въ пожертвованіи вещей для музея. Городская дума приняла предложеніе гласнаго Шостаковича и избрала подѣ предѣдательствомъ городского головы исполнительную комиссію, на которую возложила: 1) составленіе и объявленіе программы для руководства лицамъ, желающимъ принять участіе въ созданіи музея, 2) принятіе всѣхъ пожертвованій какъ денежныхъ, такъ и вещевыхъ (для записыванія тѣхъ и другихъ отъ городской управы должны быть выданы особыя книги, а членамъ комиссіи—открытые листы), 3) изысканіе средствъ на покрытіе расходовъ по устройству музея, 4) приведеніе въ порядокъ поступившихъ вещевыхъ пожертвованій, для чего дума предоставила комиссіи право приглашать, въ случаѣ надобности, для участія въ работахъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ указаній и 5) представленіе, по окончаніи порученія, отчета думѣ чрезъ городскую управу.

Приступая къ исполненію возложеннаго на нее порученія, комиссія признала прежде всего необходимымъ довести до всеобщаго свѣдѣнія принятое ею подраздѣленіе музея на отдѣлы и списокъ предметовъ, входящихъ въ составъ каждаго отдѣла, съ указаніемъ способовъ ихъ собиранія и сохраненія, затѣмъ пригласить сибирскія городскія думы и отдѣльныхъ лицъ къ пожертвованію для музея какъ предметовъ нижепоименованныхъ, такъ и другихъ чѣмъ либо замѣчательныхъ вещей, а также книгъ, могущихъ служить для основанія при музеѣ публичной библиотеки. Не менѣе желательно—болѣе замѣчательныя вещи и въ особенности новыя виды растений, животныхъ и минераловъ, встрѣчающіяся въ малоизслѣдованныхъ мѣстностяхъ Сибири, получать въ нѣсколькихъ экземплярахъ, что дастъ комиссіи возможность обмѣнивать свои дубликаты на предметы, имѣющіеся въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ другихъ музеяхъ, и такимъ образомъ собрать по каждому отдѣлу возможно полныя коллекціи.

Все пожертвованія комиссія проситъ сдавать или отправлять въ томскую городскую управу съ обозначеніемъ, что посылаемыя вещи назначаются для сибирскаго музея. Жертвователи, затрудняющіеся пересылать вещи на свой счетъ, приглашаются войти въ соглашеніе съ комиссіею о принятіи ею расходовъ на ихъ провозъ и пересылку. У многихъ лицъ сохраняются, иногда просто валяются различныя, съ точки зрѣнія науки, драгоценности въ родѣ костей допотопныхъ животныхъ, бронзовыхъ и каменныхъ вещей, горныхъ породъ, монетъ, рукописей, книгъ и т. п.—Найдутся лица, которыя нарочно собирали мѣстныя коллекціи орудій охоты, рыболовства, образцовъ кустарной, фабричной и горной промышленности, чучель, шкурокъ, фотографическихъ снимковъ и другихъ предметовъ. Если владѣльцы подобныхъ вещей пожелали бы отдать ихъ въ музей, въ видахъ распространенія знаній въ родномъ краѣ, то очень скоро составились бы весьма полныя и драгоценныя коллекціи.

Комиссія надѣется, что думы сибирскихъ городовъ и отдѣльные лица проникнутся сознаніемъ пользы, которую они могутъ принести успѣшному основанію сибирскаго музея и не откажутся этому полезному учрежденію въ ихъ посильномъ содѣйствіи.

Газета «Новое Обозрѣніе», съ замѣчательной чуткостью отнесшись къ областнымъ интересамъ, сдѣлала (см. № 192)

по поводу нашей статьи о сибирской желѣзной дорогѣ замѣчаніе, причѣмъ эта газета, повидимому, присоединяется къ нашему мнѣнію по вопросу о постройкѣ желѣзной дороги въ Сибири.

«Соглашаясь съ почтеннымъ органомъ, съ своей стороны мы, говорить «Новое Обозрѣніе», можемъ добавить, что въ Европѣ желѣзныя дороги вызваны насущными потребностями жизни; онѣ явились, такъ сказать, органически, послѣ того, какъ просвѣщеніе и культура поднялась очень высоко, промышленность сильно развилась, и при такой примитивной культурѣ, какую имѣла Европа при Карлѣ Великомъ, желѣзная дорога не могла даже и сниться. При искусственномъ-же ростѣ нашей жизни изъ желѣзныхъ дорогъ хотятъ сдѣлать средство для поднятія культуры, промышленности и просвѣщенія, но всегда достигаются противоположные результаты. При примитивной культурѣ Сибири, мы увѣрены, что сибирская дорога послужитъ лишь прекраснымъ орудіемъ для обогащенія стаи хищниковъ, что всегда достигается на счетъ разоренія массы народа».

Къ сожалѣнію, тоже самое «Новое Обозрѣніе» нѣсколько позже въ передовой своей статьѣ (№ 198) уже оставляетъ эту почву и говоритъ о положительной необходимости желѣзной дороги для Сибири, смотря на этотъ вопросъ съ государственно-централистической точки зрѣнія. Такое противорѣчіе намъ нѣсколько непонятно.

«Русскій Курьеръ» по поводу нашей замѣтки о бѣдности восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества, гдѣ мы указывали, съ одной стороны, на отказъ отдѣла издать посмертный трудъ историка Щеглова и, съ другой,—на денежную щедрость того же отдѣла въ отношеніи его секретаря, высказываетъ слѣдующее справедливое мнѣніе.

«Совершенно понятно то тяжелое впечатлѣніе, о которомъ говорить газета. Но тѣмъ не менѣе для насъ не совсемъ понятно отношеніе къ этому дѣлу членовъ общества, которое могло-бы, въ виду такого положенія дѣла, выбрать изъ своей среды честнаго человѣка, могущаго нести обязанность секретаря бесплатно, тѣмъ болѣе, что это практикуется даже въ столичныхъ и имѣющихъ нѣкоторыя средства обществахъ. Отчего же не пристало такъ вести дѣло въ Сибири? Неужели тамъ нѣтъ людей, которые бы могли посвятить нѣкоторое время на служеніе очевидно полезному дѣлу—способствовать изученію еще такъ мало изслѣдованной Сибири.

Странно какъ-то! заключаетъ газета.

Служащіе Малонатомскаго товарищества собрали 250 руб. въ пользу семьи Федорова—Омулевскаго; кромѣ того, г-жа И. Я. Дементьева съ Константиновскаго присека препроводила 20 р. Деньги эти будутъ переданы по назначенію.

Чрезъ редакцію газ. «Сибирь» получены для передачи въ общество содѣйствія учащимся сибирякамъ въ Петербургѣ 65 р., собранные въ г. Иркутскѣ отъ разныхъ лицъ Александрой Михайловной Куркутиковой. Деньги будутъ переданы въ одно изъ очередныхъ засѣданій. Сообщая объ этомъ оградномъ для зарождающагося общества выраженіи сочувствія, мы должны сказать, что опасенія «Сибирской Газеты» (№ 27) по поводу равнодушія сибиряковъ къ петербургскому обществу могутъ оказаться не совсемъ вѣрными.

ПО ПОЧТОВОМУ ДѢЛУ ВЪ СИБИРИ.

Однимъ бывшимъ почтмейстеромъ намъ прислана слѣдующая замѣтка.

«Прочитавъ въ 5-мъ № вашей газеты корреспонденцію изъ Укыра относительно почтовыхъ паръ, не могу не сказать нѣсколько словъ объ этомъ, такъ какъ самъ былъ почтмейстеромъ и знаю все удобства и неудобства жизни почтоваго чиновника. Почтосодержатели дѣйствительно всегда платятъ разъ въ годъ почтмейстеру и смотрителю при получкѣ фуражной платы, но только не все и безъ всякаго вымогательства; первому

платять, конечно, больше, а послѣднему меньше. Но прежде, чѣмъ порицать и осуждать, нужно войти въ ихъ положеніе. Какъ этимъ чиновникамъ не брать... Я, напримѣръ, получалъ 32 руб. 66 коп. жалованья (жалованья 24 руб. 50 коп. и столовыхъ 8 руб. 16 коп.). Теперь возьмемъ мѣстныя цѣны на продукты, содержаніе семьи и воспитаніе дѣтей. За дѣтей платилъ я учителю 15 руб., работнику, на его содержаніе, 15 руб., кухаркѣ 6 руб.; затѣмъ пудъ мяса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я служилъ, стоятъ почти всегда 6 руб., исключая осени, когда цѣна падаетъ до 4 руб.; но это бываетъ только на одинъ мѣсяцъ, во время подвоза; коровье масло—отъ 12 до 18 руб. пудъ, мука пшеничная отъ 3 до 4-хъ руб., ржаная—отъ 2 до 3 руб., водка 10 руб. ведро, чай байховый отъ 1 р. 60 к. до 2 руб. Остальные предметы тоже дороги, да и не всегда можно ихъ найти; чаще всего приходится выписывать черезъ почту изъ перваго губернскаго города, что, конечно, обходится дороже противъ доставки воднымъ путемъ. Семейство у меня не маленькое: самъ я, жена, четверо дѣтей, работникъ, кухарка; а потому предоставляю разсудить публикѣ, гдѣ взять средства накормить такую семью, обути, одѣть прилично дѣтей, да и воспитаніе имъ дать. Кромѣ всего этого, приходилось платить одного жалованья служащимъ 36 руб. въ мѣсяцъ. Откуда же я долженъ былъ брать недостатокъ?.. А вотъ поневолѣ и прибѣгаешь къ пословицѣ: «этотъ изъянъ раскладывать на крестьянъ»; въ противномъ случаѣ придется умирать съ голоду или подчиниться необходимости брать изъ казеннаго сундука, сколько душѣ угодно, пока свыше не доберутся до этого. А тогда что?... Тогда судъ, арестъ, лишеніе правъ, чести, потеря семьи и наконецъ ссылка! Вотъ положеніе почтоваго чиновника, котораго дѣйствительно поятъ и кормятъ почтосодержатели. Что же касается почталіоновъ, то ихъ положеніе еще хуже: имъ ужъ почтосодержатели ничего не платять, а жить имъ также нужно! Жалованья они получаютъ только 12 руб., на которое нужно содержать себя и семейство, а также и одѣваться. Прежде имъ выдавали аммуницію отъ казны, тогда они имѣли меньше нужды и заботы относительно ея, но потомъ казна сочла невыгоднымъ выдавать натурою и назначила жалованье вмѣсто 3 руб. 50 к.—12 руб., предоставляя имъ, при очень тонкомъ намека, брать съ получателей прежній 3-копеечный сборъ, а предъ Рождествомъ Христовымъ и Пасхою ходить съ поздравочнымъ листомъ, по которому собирается очень почтенная сумма и дѣлится между почталіонами, смотря по заслугамъ. Все это, конечно, немного облегчаетъ ихъ существованіе; но вѣдь этотъ незаконный поборъ, безъ котораго положительно нельзя обойтись, строго преслѣдуется начальствомъ, которое, въ свою очередь, сыто, а сытый голоднаго не разумѣетъ; дающіе же, зная безвыходное положеніе почталіоновъ, кажется, не претендуютъ.

Бывшій почтмейстеръ.

Признаться сказать, мы было приняли корреспонденцію изъ Угара за чистѣйшій вымыселъ, и вдругъ такое признаніе. Вотъ ужъ неожиданность! Философію трудно какую либо вывести изъ этого признанія. Кромѣ почтовыхъ чиновниковъ, въ Сибири не обезпечены достаточно и судьи, и засѣдатели. Значить?!...

РУССКОЕ ИМУЩЕСТВО ВЪ КУЛЬДЖѢ.

Мы получили слѣдующее письмо изъ Семирѣчинской области. «Въ издаваемой вами газетѣ въ № 22-мъ между прочимъ напечатано, что несчастные бѣдняки отставные воинскіе чины за свои оставленные дома китайцамъ въ Кульджѣ и до сихъ поръ не получали денегъ, которыя обѣщали имъ выдать и что деньги были ассигнованы.

Мы покорнѣе васъ просимъ не отказаться напечатать историческую справку о развитіи построекъ въ г. Кульджѣ.

Со времени занятія Илійскаго края съ 1871 года и до передачи Кульджи китайцамъ высшія мѣстныя власти всегда поддерживали населеніе въ тѣхъ убѣжденіяхъ, что Кульджа едва ли когда либо будетъ передана китайцамъ, и разрѣшали строиться и приобрѣтать сакли покупкою, такъ какъ была въ домахъ дѣйстви-

тельная необходимость. Въ 1874 году туркестанскій генералъ-губернаторъ официально разрѣшилъ строить дома въ новомъ европейскомъ кварталѣ г. Кульджи и не иначе какъ согласно Высочайше утвержденного плана г. Вѣрнаго, но съ тѣмъ измѣненіемъ, что дома могутъ строить одноэтажные, но непременно въ семь оконъ по фасаду и пять въ улицу; земля подъ постройки домовъ приобрѣталась покупкою съ торговъ; планы утверждались мѣстнымъ инженеромъ, которому было вмѣнено въ обязанность смотрѣть за постройками, какъ технику. Въ одномъ изъ предписаній въ 1874 году говорилось между прочимъ, что въ случаѣ передачи Кульджи китайцамъ правительство будетъ ходатайствовать о вознагражденіи за дома и дѣйствительно, только что былъ рѣшенъ вопросъ о передаче Кульджи китайцамъ, какъ исправляющій должность туркестанскаго генералъ-губернатора Герасимъ Алексѣевичъ Колпаковскій организовалъ комиссію для оцѣнки частныхъ домовъ подъ предѣлательствомъ статскаго совѣтника г-на Шишмарева, а затѣмъ подъ предѣлательствомъ консула г-на Падерина, такъ какъ г-нъ Шишмаревъ былъ отозванъ по дѣламъ службы; комиссія исполнила свой долгъ, дома технически были осмотрѣны и оцѣнены, и намъ, домовладѣльцамъ, выданы законныя квитанціи, которыя мы и хранимъ, какъ зеницу ока.

Въ настоящее время мы услышали, что министерство не находитъ возможнымъ выдать деньги за дома по одной оцѣнкѣ ихъ оцѣпочною комиссіею; такимъ образомъ вопросъ о выдачѣ денегъ за дома долго-долго будетъ тлѣть въ канцеляріяхъ; кромѣ того, слышали, будто бы еще будутъ требоваться такія замысловатыя данныя, которыхъ будетъ нельзя дать до скончанія міра.—Чѣмъ мы, бѣдные, виноваты, если такія данныя были своевременно опущены изъ вида, судите сами!»

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Вѣрный (корресп. „Восточнаго Обозрѣнія“). 6 іюля выѣхалъ изъ Вѣрнаго, по окончаніи ревизіи управленій и осмотра войскъ, генералъ-адъютантъ Свистуновъ въ обратный путь въ Сибирь—черезъ города Джаркентъ, Ленсинскъ, укр. Бахтинское—въ Зайсанскій постъ. На дняхъ выѣзжаетъ въ дальнѣйшее путешествіе на Иссыкуль и Фергану профессоръ казанскаго университета, г. Сорокинъ.

Иркутскъ (корресп. „Вост. Обзор.“). Телеграфъ принесъ сюда извѣстіе объ утвержденіи Примурскаго генералъ-губернаторства и о томъ, что государственный совѣтъ поручилъ кому слѣдуетъ скорѣйшее обсужденіе вопроса объ упраздненіи генералъ-губернаторства Восточной Сибири. Правда, это извѣстіе основано пока еще только на газетныхъ слухахъ, но его тѣмъ не менѣе считаютъ здѣсь достовѣрнымъ; говорятъ, будто есть уже официальные телеграммы о выѣздѣ барона Корфа изъ Петербурга. Чиновники, которымъ предстоитъ или увольненіе заштатъ, или переселеніе на Амуръ, порядочно приуныли—они все еще надѣялись, что дѣло какъ нибудь затянется. Кушцы тоже поютъ Лазаря: городъ, видите ли, обезлюднѣетъ; некому будетъ покупать наряды и разныя побрякушки; торговля упадетъ. Но о такой торговлѣ, которая снабжаетъ только нарядами и держится только средствами малолюдного привилегированнаго класса, разумѣется, и жалѣть не стоитъ.

Гораздо серьезнѣе вопросъ, который задаютъ себѣ нѣкоторые, что должно разумѣть подъ упраздненіемъ генералъ-губернаторства—полное ли упраздненіе его, или только переименованіе въ иркутское генералъ-губернаторство и закрытіе при немъ совѣта, какъ извѣщали нѣкоторыя газеты?

Уже много было говорено и писано о томъ, что Иркутская и Енисейская губерніи вовсе не находятся въ такомъ особенномъ отъ

других частей государства положеніи, чтобы для главнаго управленія ими требовался какой нибудь особый порядокъ. Вновь развивать эту мысль въ отношеніи къ обыкновеннымъ дѣламъ общаго управленія значило бы повторять всѣмъ давно извѣстное. Но къ вѣдомству генераль-губернатора Восточной Сибири принадлежатъ нѣкоторыя особенныя функціи, о которыхъ можетъ возникнуть вопросъ, не встрѣтится ли необходимости въ главной мѣстной власти собственно для отправленія этихъ функцій? Вопросъ этотъ, на сколько мнѣ извѣстно, разсматривался здѣсь официально еще два года назадъ и рѣшенъ тѣмъ, что никакой надобности не встрѣчается. Безъ сомнѣнія, съ этимъ мнѣніемъ согласятся и подлежащія министерства, — тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ, въ свое время, долго были въ оппозиціи противъ подчиненія мѣстнымъ генераль-губернаторамъ извѣстныхъ частей управленія, напримѣръ, почтовой.

Для завѣдыванія особенными частями управленія существуютъ при главномъ управленіи особыя отдѣленія: государственныхъ имуществъ (IV), горное (V), строительное (VI), управленія учебное и почтовое и дипломатическая часть. Къ особенностямъ же мѣстнаго управленія слѣдуетъ причислить и дѣла о ссыльныхъ и инородцахъ и принятіе мѣръ въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Отдѣленіе государственныхъ имуществъ, съ самаго своего основанія, представляло какую то амальгаму. Въ немъ были смѣшаны всевозможныя дѣла — и годовые отчеты, и проекты по разнымъ частямъ управленія, и дѣла печати, и дѣла особенной важности, и дѣла секретныя, и — чуть ли не всего менѣе — дѣла о государственныхъ имуществвахъ. Существованіе его въ такомъ видѣ едва ли приносило какую нибудь пользу государственнымъ имуществамъ, непосредственное управленіе которыми находится въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ. Съ подчиненіемъ палатъ въ этомъ отношеніи непосредственно министерству дѣло не только ничего не теряетъ, но еще выиграетъ въ отношеніи къ единству и усилѣнью мѣръ для улучшенія этой части. Но если бы даже и было признано необходимымъ имѣть особое управленіе государственнымъ имуществами на мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ цѣлесообразнѣе было бы учредить особое управленіе, подчиненное непосредственно министерству.

Горное отдѣленіе завѣдываетъ дѣйствительно обширной частью управленія и завѣдываетъ исключительно только ею. Здѣсь уже нельзя сказать, что въ немъ горныхъ дѣлъ всего меньше. Но именно потому, что эта часть спеціальна и весьма обширна, необходимо, чтобы во главѣ ея стояло лицо, спеціально знакомое съ дѣломъ и посвятившее себя исключительно ему, а не занятое имъ только между прочимъ. Отдѣленіе это давно уже необходимо преобразовать въ особое, правильно организованное управленіе, подчиненное непосредственно компетентной центральной власти. Наконецъ, въ виду того, что горныя дѣла находятся нынѣ въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, можно бы было и мѣстное управленіе ими соединить съ управленіемъ государственнымъ имуществами.

Строительное отдѣленіе составляетъ только какую то промежуточную ступень между мѣстными управленіями и министерствомъ. Оно не имѣетъ особыхъ обязанностей, которыя не могли бы быть приурочены къ этимъ учреждениямъ. Большую часть обязанностей его во внутреннихъ губерніяхъ выполняютъ строительныя отдѣленія при губернскихъ правленіяхъ, а здѣсь могли бы выполнять архитекторы при губернаторахъ, остальное могло бы перейти въ министерство. Въ сущности это отдѣленіе совершенно лишнее. Объ учебныхъ, почтовыхъ и друг. дѣлахъ, которыя поступаютъ въ главное управленіе, но имѣютъ свое мѣсто въ губернскихъ учрежденияхъ, мы

поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь и эти примѣры показываютъ, что главныя управленія составляли не столько *conglomerat d'edifice*, сколько пятое колесо администраціи.

Омскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Омску выпало давно небывалое счастье — глядѣть и наслаждаться хорошей игрой пріѣхавшей въ концѣ іюля труппы актеровъ изъ Томска. Вѣдь послѣ труппы Надлера Омскъ не видалъ хорошаго исполненія ни одной почти пьесы, а вѣдь этому ужъ 8 лѣтъ. Наговѣлись, но за то и разговѣлись всласть. Дано шесть спектаклей, и средній валовой сборъ болѣе 200 руб. за спектакль, а это для Омска слишкомъ крупная цифра не только лѣтомъ, когда многіе изъ чиновничества уѣзжаютъ, но и зимой. Въ обыкновенное время Омскъ долженъ довольствоваться доморощенными спектаклями административнаго характера. Мы разумѣемъ не водевили, происходящіе въ разныхъ учрежденіяхъ, а спектакли благородныхъ чиновницъ и чиновничьихъ дочерей. Тутъ участвуетъ наша аристократія; несомнѣнно, что спектакли ей доставляютъ большое удовольствіе, знакомство съ кавалерами, выгодные браки, иногда протекцію. Конечно, и эти спектакли не обходятся безъ проявленія талантовъ. Какая нибудь „Наталка — полтавка“ можетъ свести съ ума зрителя и сдѣлать изъ него ревностнаго поклонника (а можетъ, и полковника) Мельпомены. Любовь можетъ быть на сценѣ разыграна не хуже, чѣмъ въ дѣйствительности, причѣмъ примѣшаются разныя прозаическія вещи въ родѣ квартиръ, ремонта, казенныхъ свѣчей и т. п. Конечно, все это, повторяемъ, даетъ много удовольствія для избранныхъ, но пріѣзжіе и заправскіе актеры всетаки лучше. Они познакомятъ и съ Островскимъ, и съ Гоголемъ. Тогда повалитъ наше чиновничество, повалитъ такъ, что иной разъ бюджетъ затрещитъ, а въ иной канцеляріи скажутъ: — Вы требуете то-то и то-то, а не имѣете въ виду, что теперь театральныи сезонъ.

Конечно, въ городѣ своимъ чередомъ разыгрываются весьма серьезныя драмы. Генераль Свистуновъ находится въ округѣ на осмотрѣ края, ждуть его возвращенія. Что то будетъ!

Г. Дидрихсъ, окруженный соболѣзнованіемъ друзей, выѣхалъ въ Бохорудзирь. Желаетъ ему служить „болѣе счастливо“.

Злоба дня — перевозный пароходъ, пріобрѣтенный городскимъ обществомъ. 7 іюля было освященіе его и проба плаванія, а съ 8 іюля онъ пока служитъ лишь для поѣздокъ мѣстнаго общества: пріобрѣли пароходъ, а не пріобрѣли паромовъ, на которыхъ бы онъ перевозилъ. Заднимъ умомъ крѣпки. Ну, пока онъ будетъ служить лишь для увеселеній, а вѣдь омичи этимъ неизбалованы. Хорошо омское общество всырисуло пароходъ. Слава мѣстному именитому купечеству! Ужъ пировать, такъ пировать на весь міръ. Ужъ пить, такъ пить до полусмерти, что и было съ двумя-тремя членами общества во время прогулки на пароходѣ верстъ за пять отъ Омска, 8 го іюля.

Красноярскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). 27 іюня на Песочной улицѣ совершенно довольно смѣлое убійство извѣстной всему городу Вассы Васильевны (фамиліи не знаемъ). Профессія покойной представляла одну изъ самыхъ тяжелыхъ общественныхъ язвъ, неудобныхъ для формулированія печатнымъ словомъ изъ уваженія къ самому обществу. Покойная жила, какъ говорится, властью и, не смотря на свое низменное положеніе, пользовалась даже нѣкоторымъ почетомъ: на ея афинскіе вечера заѣзжали мѣстные тузы; говорятъ, что даже блюстители тишины верѣдко, даже чуть ли не ежедневно, послѣ дневныхъ трудовъ, искали успокоенія въ квартирѣ Вассы Васильевны, въ шумныхъ, получившихъ заслуженную извѣстность вакханаліяхъ. Все, что пока дознала полиція для раскрытія слѣдовъ преступленія, заключается въ очень немногомъ. Васса Васильевна, въ

роковой для нея день, утромъ сама отворяла ставни, а въ полдень къ ней приходилъ какой то „господинъ“, который, выходя обратно, замкнулъ наружную дверь всякимъ замкомъ. Только уже поздно вечеромъ, часу въ десятомъ, хозяйка дома, не привыкая къ такому продолжительному отсутствію своей квартирантки, возмѣла подозрѣніе на счетъ ея участи и рѣшилась пригласить полицію. Дверь была взломана, и полицейскій персоналъ констатировалъ групу съ разбитой головой и признаки совершеннаго грабежа. При этомъ произошелъ слѣдующій, характеризующій наши нравы, эпизодъ. Кто то, осматривая вещи убитой, обратился къ квартирной хозяйкѣ съ вопросомъ: „куда же дѣвалась дюжина голландскихъ сорочекъ“? Та отвѣчала, что ей неизвѣстно, какое было у покойной имущество... „Я знаю, что у нея была дюжина новыхъ сорочекъ“! настойчиво продолжалъ спрашивавшій... „Не спору,—осадила его хозяйка,—можетъ быть, вы хорошо знаете эти сорочки, а мнѣ не приходилось видѣть мою квартирантку безъ верхняго платья“...

Другой случай, возбуждившій большіе толки,—это апельсинъ двухмилліоннаго Юханцева. Кто бы могъ подумать, что невинная замѣтка, напечатанная въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства“ (перепечатано въ № 18 „Вост. Обзор.“ за 1883 г.) объ отравленной изъ Одессы въ Красноярскъ на имя Юханцева партіи апельсинъ для торговли, могла бы послужить поводомъ къ столкновенію между властью и обывателями и вызвать уголовное дѣло? А между тѣмъ случился слѣдующій казусъ. Г. Юханцевъ изволили ужинать 26 іюня въ городскомъ саду, въ обществѣ гг. полиціймейстера, казачьяго офицера Г—каго и окружнаго сельскаго врача Д—я. Возліанія, по обыкновенію, были обильныя и благодушія царило полное, какъ вдругъ изъ сосѣдней компаніи раздался голосъ: „человѣкъ, принеси мнѣ пару апельсинъ, да смотри изъ погреба Юханцева“! Полиціймейстеръ не выдержалъ и, какъ ретивый блюститель порядка, подскочилъ къ собесѣдникамъ съ вопросомъ: „господа, кто изъ васъ велѣлъ принести апельсинъ изъ погреба Юханцева?“ Повянуло, всѣ разсмѣялись; но когда полиціймейстеръ повторилъ вопросъ болѣе назойливо, то телеграфный чиновникъ г. Ганъ отвѣтилъ, что фраза объ апельсинахъ Юханцева не составляетъ криминала, и что напрасно онъ, полиціймейстеръ, заботится о разслѣдованіи. Тогда блюститель порядка, воспылавъ гнѣвомъ, обзвалъ г. Гана скандалистомъ и приказалъ вывести его изъ сада. Нѣсколько здоровыхъ слугъ трактира съ триумфомъ исполнили приказаніе начальства. Назавтра г. Ганъ подалъ губернатору жалобу объ оскорбленіи его полиціймейстеромъ и по жалобѣ этой назначено уже формальное слѣдствіе.

27 іюня скончался у насъ одинъ тузъ—капиталистъ, оставивъ послѣ себя полумилліонное состояніе. Исторія его жизни довольно поучительна... Сынъ поселенца, онъ лѣтъ сорокъ—пятьдесятъ тому назадъ завелъ гнѣздышко въ с. Частоостровскомъ Красноярскаго округа и занялся хлѣбной торговлей, имѣя въ кармапѣ нѣсколько десятковъ рублей. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже служилъ въ этой волости волостнымъ писаремъ, а съ паденіемъ откуна выстроилъ винокуренный заводъ и монополизировалъ по торговлѣ виномъ чуть ли не весь Красноярскій округъ. Въ послѣднее время покойный, оставивъ всякую коммерцію, мирно отдыхалъ на проценты своего капитала, когда общественный голосъ воззвалъ къ его сѣдницѣ: „иди и направляй насъ на путь истинный!“ А тутъ и конецъ исторіи! Похороны его были роскошны: за одно погребеніе въ соборной оградѣ заплачено причту пятнадцать тысячъ рублей. О частной и общественной благотворительности покойнаго никому ничего неизвѣстно; но, можетъ быть, онъ творилъ добро втайнѣ?..

Увы, кто знаетъ. Слава наполняетъ свѣтъ иногда весьма страннымъ образомъ...

Село Обдорское Тобольской губерніи (корресп. „Вост. Обзор.“). Весна въ силу климатическихъ условій у насъ наступаетъ поздно; нынѣ первые признаки ея приближенія замѣтны были въ концѣ мая, но и „признаки“ то эти часто смѣнялись сильнѣйшимъ сѣвернымъ вѣтромъ при 20° морозѣ. Рѣки прошли 1 іюня. Сѣверная природа, какъ видите, скупа въ отношеніи тепла и тому подобныхъ хорошихъ вещей. Съ наступленіемъ весны для жителей нашего благословеннаго Обдорска наступаетъ пора дѣятельности, которая нѣсколько разнообразитъ монотонность и пустоту здѣшней жизни: большая часть населенія собирается покинуть Обдорскъ и уѣхать на рыбныя промысла, самыя дальнія изъ которыхъ отстоятъ на 400 верстъ. Пустѣетъ у насъ тогда въ Обдорскѣ. Остается едва 10-ая доля жителей, состоящая преимущественно изъ немногочисленной интеллигенціи и такъ называемыхъ „коренныхъ“ обывателей, у которыхъ промысла недалеко отъ города.

Самое спокойное, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и опасное время переживаетъ Обдорскъ въ это время. „Спокойное“ можно сказать въ томъ отношеніи, что въ это время некому „шалить“, ибо часть шалуновъ покидаетъ Обдорскъ, а часть хотя и остается, но бываетъ безвредна, очевидно, сознавая свою малочисленность. Конечно, можно удивиться и не повѣрить, что какіе нибудь шалуны могутъ надѣлать „шуму“ въ Обдорскѣ, но на самомъ дѣлѣ это такъ: взрослые шалуны устраиваютъ довольно нескромныя, но достойныя ихъ шалости. И все совершается почти отъ „бездѣлья“, „спячки“ и „разстроеннаго воображенія“, которое, впрочемъ, не мѣшало бы исправить и возстановить на новыхъ началахъ. Результатомъ „разстроеннаго воображенія“ вдругъ являются слѣдующія штуки. „Мѣстная почта“, напр., возвѣститъ нашему „міру“, что остряки „войной идутъ“ на Обдорскъ и навѣрное заполонятъ всѣхъ... „Увы мнѣ!“ восклицаютъ мѣстные крезы, поспѣшно пряча въ дальній амбаръ свои сокровища... На жителей и окрестныхъ инородцевъ нападаетъ паника, нѣкоторые собираются ѣхать изъ злополучнаго града. Много курьзнаго произошло въ эти печальные дни. Лишь смолкли тревожные слухи о нашествіи „иноплеменниковъ“, какъ шалуны устроили скандалъ въ церкви. Случается, кто нибудь изъ шалуновъ найдетъ, что Обдорскъ превращается во французскую республику. Это Обдорскъ то! и поднимается такой гвалтъ, что окружающіе остряки и самоѣды начинаютъ опасаться свѣтопреставленія. Для выраженія же своего консерватизма и благонамѣренности тѣже шалуны „общей силой“ начнутъ валить въ средину села на площадь или еще лучше на берегъ рѣки всякія нечистоты, а весной извольте пользоваться благоуханіемъ, здоровымъ воздухомъ и чистою, какъ кристалль, водою.

И все это замѣтте, дѣлается на виду у всѣхъ. Со всѣмъ этимъ можно бы еще помириться, но дѣло въ томъ, что Обдорскъ каждый часъ въ лѣтнее время рискуетъ сгорѣть, а слѣдующій случай покажетъ, въ какомъ блестящемъ положеніи находятся пожарные инструменты. При повѣркѣ общественнаго имущества, когда очередь дошла до пожарныхъ инструментовъ, то оказалось, что амбаръ, въ которомъ они были сложены, весь заваленъ снутри снѣгомъ (дѣло было зимой) и не было никакой возможности его отворить. Только послѣ двухъ часовой работы его отворили и открыли „пожарные инструменты“, состоящіе изъ нѣсколькихъ ведеръ и 5-ти багровъ. А случись въ это время пожаръ, тогда „крезы“ завопили бы, пожалуй, жалобнѣе, чѣмъ при нашествіи „иноплеменныхъ“. А вѣдь въ городѣ по разнымъ случаямъ пьется шампанское и ура! кричатъ. Громъ не грянетъ, русскій человѣкъ не перекрестится.

Изъ Туркестана (корреспонденція Восточнаго Обозрѣнія). Въ одномъ изъ отдаленныхъ фортовъ нашей окраины, почта изъ котораго до Ташкента идетъ ровно мѣсяць, случился слѣдующій казусъ.

Молодой врачъ обратилъ вниманіе на казарменные ретиралы, содержащіяся въ такой чистотѣ, что священникъ, поселившійся временно вблизи казармъ, вынужденъ былъ перемѣнить квартиру, такъ какъ отъ ужасающаго зловонія, распространяемаго ретиралами, у него являлась головная боль и рвота. Врачъ заявилъ коменданту, состоящему въ чинѣ капитана, что слѣдуетъ позаботиться объ очисткѣ ретираловъ, въ противномъ случаѣ онъ вынужденъ будетъ заявить объ этомъ надлежащему начальству. Комендантъ пугнулъ его тѣмъ, что обѣщалъ посадить на гауптвахту; врачъ сконфузился и присмирѣлъ.

— Чего вы боитесь? говорятъ ему. Да развѣ онъ смѣетъ васъ арестовать?

— Что съ нимъ подѣлаете: смѣетъ, не смѣетъ, а вздумаетъ и посадить; тамъ ищи съ него. Пока еще куда бумага дойдетъ и отвѣтъ получится, такъ на гауптвахтѣ блохи съѣдятъ.

Комендантъ этимъ не ограничился и сталъ еще распускать о врачѣ слухи, что онъ нигилистъ, и что онъ, комендантъ, объ этомъ донесетъ по начальству. Врачъ окончательно растерялся.

Какъ легко, подумаешь, оказаться нигилистомъ,—заяви, что ретиралы нечисты, и нигилистъ!

Въ Ташкентѣ происходило доселѣ нѣчто невиданное—литературный процессъ: 23-го юня мировымъ судьей Х—мъ разбиралось дѣло по обвиненію бывшимъ сперва чиновникомъ, а потомъ частнымъ повѣреннымъ Ильинымъ г. С., подозреваемымъ въ писаніи корреспонденцій въ „Вост. Обозр.“ Г. Ильинъ обвинялъ г. С. „въ употребленіи словъ и выраженій въ корреспонденціи № 12-го „Вост. Обозр.“ (подлинный текстъ повѣстки), „позорящихъ его имя“ (конечно не имя „В. О.“, а г. Ильина). Публики собралось порядочно; общее настроеніе было въ пользу г. С. (да и возможно ли иначе, если его подозреваютъ, какъ корреспондента, что можетъ быть ужаснѣе!), но ожиданія публики не оправдались—на судѣ даже не коснулись вопроса, кто авторъ статьи, а г. судья вполне благоразумно и законно отказалъ г. Ильину въ жалобѣ въ виду того, что дѣло это должно разбираться въ судѣ того мѣста, гдѣ издается газета, т. е. въ Петербургѣ. Г. Ильинъ не удовольствовался такимъ рѣшеніемъ и подалъ жалобу въ Сырь-Дарьинское областное правленіе. Областное правленіе, не смотря на то, что не вправѣ разрѣшать это дѣло, такъ какъ само болѣе, нежели г. Ильинъ, было задѣто въ той же статьѣ 12-го № „В. О.“, тѣмъ не менѣе занялось разрѣшеніемъ вопроса о подсудности этого дѣла.

Замѣтимъ, что обвиняющая сторона привлекаетъ, не справившись даже, дѣйствительно ли г. С. писалъ корреспонденцію; что можетъ быть оригинальнѣе такого обвиненія! И вдругъ въ концѣ концовъ, можетъ быть, окажется, что авторъ статьи, „Туркестанскій Туристъ“, вовсе не С., а какой нибудь Z.

Ташкентскія лѣтнія увеселенія увеличились еще однимъ: открылся садъ „Каскадъ“, гдѣ на открытой эстрадѣ какая то миниатюрная госпожа Пинешине лихо отхватываетъ „Усача“, „Смотрите здѣсь, глядите тамъ“ и т. п.; тутъ же нѣкій фокусникъ Антоніо продѣлываетъ разные кунштюки.

Публика валитъ валомъ, а во время пѣнія г-жи Пинешине стонъ стоитъ надъ садомъ; г-да ташкентцы веселятся на распахку. Какой то толстый падагогъ каждый разъ отпускаетъ во всеуслышаніе грязные каламбуры, съ нимъ всегда цѣлая свита приспѣшниковъ, поддерживающая своего руководителя; компанія шумитъ, гогочетъ, свиститъ, оретъ саломности—полиція безмолвствуетъ, и такъ по три раза въ недѣлю. Живемъ въ свое удовольствіе: нашему здраву не препятствуй!

На нашемъ горизонтѣ, какъ слышно, появится скоро еще одно коммерческое свѣтило. Жилъ человекъ у хозяина много лѣтъ, теперь самъ хочетъ быть хозяиномъ и купить водочный и пивоваренный заводъ и лѣзть въ гору.

Г. Политовскій, разработывавшій каменно-угольные копи, надѣлавъ массу долговъ, передалъ дѣло своимъ кредиторамъ. Но обществу какъ то плохо вѣрится въ успѣхъ этого дѣла, да и мы въ немъ сомнѣваемся. Пути сообщенія неудобны, провозъ дорогъ, сбытъ самый незначительный, частные домовладѣльцы не соглашаются отоплять свои дома каменнымъ углемъ, заводчики также, кромѣ одного, имѣющаго свой уголь; отопляются каменнымъ углемъ только казенныя зданія (и то не все), а ихъ у насъ очень немного; вообще дѣло швахъ! Можно полагать, что гг. кредиторы, носящіе громкую фирму „средне-азиатское горно-промышленное товарищество“, вѣроятно, сами скоро потеряютъ вѣру въ свое дѣло, и если, паче чаянія, вздумаютъ выпустить пай, то охотниковъ на нихъ не найдется.

Фирма „банкирская контора Глинка-Янчевскій и К^о“, какъ слышно, ликвидируетъ свои дѣла. Средне-азиатскій коммерческій банкъ въ скоромъ времени открываетъ свои конторы: въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ, Оренбургѣ и Вѣрномъ. Дѣла банка очень хороши.

Изъ Верхоянскаго округа (корреспонд. „Восточнаго Обозрѣнія“). Казалось бы, въ краѣ, гдѣ основою благосостоянія служитъ скотоводство и гдѣ луговъ изобиліе, гдѣ луга эти принадлежатъ обществамъ, а каждый якутъ можетъ косить, „куда ходить коса“*), казалось бы, говорю я, здѣсь нѣтъ мѣста для пролетаріата... А между тѣмъ, кулачество и кабала, и только онѣ одиѣ, создали его въ весьма почтенныхъ размѣрахъ. Развѣ старая Русь, когда всякій могъ пахать, „куда коса, соха и топоръ ходятъ“,—развѣ она не знала миллионъ кабалныхъ холоповъ? Земля есть только одно изъ орудій труда, и чуть только является недостатокъ въ какомъ либо изъ прочихъ условій труда—скотѣ, сѣнѣ, провизіи, кулачество накладываетъ свою хищную, губительную руку и разоряетъ въ конецъ это хозяйство.. Что же дѣлаютъ здѣсь эти пролетаріи? Часть изъ нихъ нанимается въ работники къ этимъ же богачамъ кулакамъ; другая часть, и весьма значительная, поступаетъ на призрѣніе своихъ обществъ. Это призрѣніе устроено здѣсь весьма курьезно: здѣшніе, бѣдные, въ трескучіе морозы, перевозятся на общественныхъ подводахъ изъ юрты въ юрты, въ каждой юртѣ они пробудутъ день, два, даже иногда недѣлю, исполняютъ работу, какую имъ зададутъ, и получаютъ за это немного кислаго молока (сору, составляющую, своего рода, національную пищу бѣд-

*) Впрочемъ въ мѣстахъ, болѣе густо (сравнительно, конечно) заселенныхъ, покосы составляютъ уже и здѣсь монопольное достояніе (хотя лишь de facto, а не de jure) богатыхъ якутовъ; но и тутъ арендная плата не превышаетъ трехъ рублей за десятину.—О земельныхъ отношеніяхъ якутовъ я надѣюсь поговорить подробнѣе съ слѣдующемъ своимъ письмѣмъ.

ныхъ якутовъ, тогда какъ богатые якуты употребляютъ больше мяса); проживши въ одной юртѣ, какъ я сказалъ, нѣсколько дней, они переѣзжаютъ въ другую, отстоящую иногда верстъ за 30 и болѣе, и т. д. Такъ, бездомные и голодные, они весь свой вѣкъ кочуютъ изъ юрты въ юрту, обходя весь свой наслегъ.

Неудивительно, что цѣны на трудъ здѣсь очень низки: денная плата пѣшему колеблется отъ 20 до 40 коп. максимум, на собственныхъ харчахъ. Самый лучший годовой работникъ получаетъ по 10 руб. въ мѣсяцъ, на своихъ харчахъ. А харчи здѣсь неизмѣримо дороже, чѣмъ въ Европейской Россіи: хлѣбъ, стѣящій 5 р. 65 к. пудъ, вовсе не употребляется якутами; мясо стоитъ, среднимъ числомъ, 2 р. 50 к. пудъ, и безъ хлѣба одному работнику необходимо, по крайней мѣрѣ, 3 пуда мяса въ мѣсяцъ, т. е. 7 р. 50 к. на одно мясо. А чай, а одежда и проч., а семейство? Небольшимъ подспорьемъ является корова, у кого она есть; но, во-первыхъ, она имѣется далеко не у всѣхъ работниковъ, а, во-вторыхъ, она здѣсь, вслѣдствіе худаго корма (вошедшаго въ норму), даетъ зимою максимум 3 туюлки (6 фунтовъ) молока въ день, вслѣдствіе чего бутылка молока стоитъ здѣсь 5 коп., и питаться покупнымъ молокомъ обойдется еще дороже мяса; поэтому, у кого нѣтъ собственныхъ коровъ, питается исключительно мясомъ и чаемъ (безъ сахара, конечно). Неудивительно поэтому, что здѣшніе якутскіе работники—вѣчно голодные и слабосильные: они далеко уступаютъ въ выдержкѣ, въ энергіи и продолжительности труда русскому рабочему... Что дѣлать: что посеешь, то и пожнешь!

ИНОРОДЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ *).

II.

Въ заключеніи обзора инородческаго вопроса въ Сибири перейдемъ къ киргизамъ. Это тоже большой народъ, также говорящій языкомъ однимъ съ сосѣдними независимыми государствами и исповѣдующій одну съ ними, мусульманскую, религію. И здѣсь въ 60-хъ годахъ задумывали устроить школьную систему; киргизы охотно соглашались на расходы, но просили, чтобы преподаваніе шло на киргизскомъ языкѣ, между тѣмъ наша политика не хотѣла этого допустить. Такимъ образомъ эти школы тогда и не осуществились. Позже были устроены для киргизъ интернаты, т. е. закрытыя школы,—это для дѣтей, которыя выросли въ кочевомъ быту, постоянно находясь на вольномъ воздухѣ. Дѣти богатыхъ киргизъ, всетаки хотя зимою живущихъ въ домахъ, и тѣ, попадая въ закрытыя заведенія, или мрутъ до выхода изъ училища, или наживаютъ чахотку; что же будетъ съ дѣтьми простыхъ киргизъ? Одно изъ непремѣнныхъ условий въ интернатахъ—обученіе на русскомъ языкѣ; даже разговоръ допускается только на русскомъ языкѣ. Религія съ умысломъ замалчивается—ни мулла, ни православный священникъ въ интернатъ не допускаются. Разумѣется, киргизы съ недовѣріемъ взглянули на эти школы. Они увидѣли въ нихъ тайный подконъ подъ ихъ религію и народность и келейныя тюрьмы для ихъ дѣтей, въ которыхъ здоровыя дѣти будутъ превращаться въ боль-

ныхъ. И такъ, вмѣсто школъ, которыя были бы любимы народомъ, мы создали заведенія, ненавидимыя имъ. Результаты, которыхъ мы здѣсь достигли, также печальны, какъ и въ бурятскомъ народѣ; мы дискредитировали школьное дѣло въ глазахъ киргизъ. Въ то время, какъ европейская наука никакъ не можетъ найти дверь въ сердце киргизскаго народа, старовѣрческіе взгляды татарскихъ мусульманскихъ муллъ и начетчиковъ, приходящихъ въ степь изъ Бухары и Казани, все болѣе и болѣе распространяются между киргизами. Считаемо нелишнимъ указать на слѣдующее явленіе, замѣчаемое въ степи. Знакомство съ русскими воспитало нѣсколько лицъ изъ киргизъ въ уваженіи къ европейской наукѣ; они научились цѣнить ея благодѣянія и привыкли мечтать объ усвоеніи ея своимъ народомъ, или по крайней мѣрѣ питать готовность откликнуться на подходящій призывъ. Но такъ они и прожили съ 60-хъ годовъ до 80-хъ, дождавшись только приглашенія пожертвовать на интернаты и не вмѣшиваться болѣе въ это дѣло. Достигши старости и вида, что европейская цивилизація за все время ихъ уваженія къ ней являлась къ нимъ только мачихой, они охладѣли къ ней, а отъ народности своей они, конечно, отдѣлиться не могутъ и вотъ они поневолѣ на склонѣ дѣтъ своихъ начинаютъ приходить къ мысли, что правы были муллы, которые проповѣдывали противъ ихъ увлеченія русской цивилизаціей, что они измѣнили своему народу и что примиреніе съ послѣднимъ заключается въ строгомъ и фанатическомъ мусульманствѣ.

И вотъ мы слышимъ жалобы русскихъ, что такой то султанъ прежде былъ настоящій европеецъ, а подъ старость испортился, сталъ поддаблываться къ мулламъ и обращаться въ святошу. Упрекающіе забываютъ, что для того, чтобы сохранить вѣру въ европеизмъ, не видя его благъ, нужно немало силъ; для этого нужно чуть не съ молокомъ матери воспитать въ себѣ любовь къ нему, что нужно по крайней мѣрѣ пройти школу, какую проходитъ европеецъ, а киргизу этой то школы и не даютъ.

Фактъ, что киргизы все болѣе и болѣе становятся мусульманами—фанатиками, уже заявленъ въ печати. А какой и теперь еще это народъ цѣлый, здоровый, поэтическій! Изъ всѣхъ нашихъ мусульманъ это наименѣе фанатичный народъ. Башкиры, тѣ уже болѣе испорчены, а Казанскіе татары въ—конецъ отравлены мусульманствомъ.

Говорятъ, что въ казанскій университетъ еще поступаютъ башкиры и киргизы, но студентовъ изъ казанскихъ татаръ не бываетъ. Ограниченная политика къ тому же приведетъ и тѣ два народа. Смотришь на эти факты и спрашиваешь, неужели намъ легче будетъ впоследствии жить съ тупыми и злыми врагами европейскаго просвѣщенія, чѣмъ съ людьми, имѣющими на своемъ языкѣ европейскіе учебники? Вывести казанскихъ татаръ изъ ихъ ложнаго и опаснаго положенія—трудная задача; хуже всего то, что, если въ средѣ ихъ является чловѣкъ съ задатками для общественнаго служенія, отдающійся служенію не своимъ личнымъ интересамъ, а интересамъ ближнихъ, ему нѣтъ выхода, нѣтъ возможности разорвать съ фанатическими муллами; только въ мирѣ съ ними онъ можетъ быть слугою своего народа, а ставъ сторонникомъ европейскаго просвѣщенія, онъ лишаетъ себя почвы для общественной дѣятельности. Такимъ образомъ честные, серьезные умы этого народа для насъ потеряны; они враждебны намъ; и если встрѣчаются люди изъ этого народа съ

*) Первую статью см. въ № 26 «Восточнаго Обозрѣнія». Настоящая статья идетъ совершенно въ pendant къ затронутому въ Туркестанѣ вопросу о школахъ и принадлежитъ одному изъ авторитетовъ по инородческому вопросу.

европейскимъ лоскомъ, усвоившіе европейскую внѣшность, выписывающіе русскіе журналы, читающіе газеты, посѣщающіе театръ, то это не находка—это бонвиваны, кутилы, вообще люди, ставшіе либералами, чтобы оправдать свои вольные нравы.

Разсуждая о школьной системѣ для инородцевъ, необходимо остановиться на вопросѣ, должны ли создаваемыя для нихъ школы быть приурочены къ проведенію учениковъ отъ низшихъ школъ до высшихъ, вплоть до университета, или все дѣло, какъ совѣтуютъ нѣкоторые, должно ограничиться учрежденіемъ школъ въ родѣ реальныхъ училищъ? Къ чему, говорятъ, кочевникамъ классическія науки, знакомство съ Софокломъ, Эсхиломъ и Аристофаномъ? что имъ въ этомъ знаніи? не лучше ли имъ дать реальныя знанія, способныя болѣе пригодиться въ ихъ быту? Съ этимъ нельзя не согласиться, пока тутъ не заключается скрытой мысли удержать кочевниковъ искусственно на низшей ступени просвѣщенія. Мы имѣемъ дѣло не съ дикарями какого нибудь Белуджистана, а съ киргизами, среди которыхъ есть уже не мало лицъ, знакомыхъ съ европейцами и съ европейскимъ комфортомъ. Народъ уже дѣлится на два класса богатыхъ и бѣдныхъ, и первые, конечно, не удовлетворятся, если вы ихъ дѣтямъ ограничите карьеру званіемъ фельдшера или сельскаго учителя. Необходимо кончающихъ курсъ въ училищахъ, учреждаемыхъ въ степяхъ, снабдить по возможности правами по службѣ, такъ какъ на первыхъ порахъ киргизы учиться будутъ не просто ради просвѣщенія, а ради или куска хлѣба, который можетъ доставить ему профессиональное знаніе, или ради положенія на службѣ. Это послѣднее относится, конечно, къ богатому классу, а забывать его интересы намъ не слѣдуетъ. Въ киргизской степи масса еще слѣпо слѣдуетъ за своими такъ называемыми „лучшими людьми“, т. е. за богачами, султанами и бѣями. Съ этимъ словіемъ намъ необходимо пока считаться, такъ какъ оно всетаки руководитъ чувствами массы; создать средства для просвѣщенія послѣдней и оставить верхніе слои народа напиться мусульманскимъ фанатизмомъ и нелюбовью къ наукѣ—было бы съ нашей стороны ошибкой. Необходимо развомъ создать для киргизъ два рода училищъ—одни для низшаго, другія для средняго образованія; и въ училищахъ послѣдняго рода давать тѣ же знанія, которыя считается необходимымъ имѣть русскому чиновнику. Сами киргизы уже начинаютъ говорить объ учрежденіи средняго училища, или пансіона для степныхъ учениковъ, который могъ бы соединить школьные порядки съ условіями кочевой жизни, чтобы дать возможность киргизскимъ дѣтямъ отправляться за полученіемъ окончательнаго образованія въ русскихъ осѣдлыхъ училищахъ уже въ такомъ возрастѣ, когда организмъ болѣе окрѣпнетъ и будетъ болѣе способенъ вынести затворническую жизнь.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ сибирскихъ инородцахъ. Буряты и киргизы имѣютъ значеніе для нашей внѣшней политики, такъ какъ ихъ единоплеменники и единовѣрцы находятся и за предѣлами нашей имперіи. Другіе инородцы Сибири, алтайцы, остяки, самоѣды, тунгусы, якуты и проч., не имѣютъ этого значенія, потому прилагать къ нимъ ту же боязливую политику имѣетъ еще менѣе основаній.

Здѣсь свѣдѣнія наши крайне скудны; въ печати встрѣ-

чается очень мало извѣстій о школахъ для этихъ инородцевъ, и есть ли свѣтскія школы для нихъ, мы не знаемъ. Извѣстно, что для нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ учреждены христіанскія миссіи, при которыхъ есть и школы. Издано и нѣсколько книгъ на этихъ языкахъ исключительно духовнаго содержанія, т. е. молитвенники или рассказы изъ св. исторіи. Можно навѣрно сказать, что для нихъ не существуетъ никакой учебной литературы (ея впрочемъ не существуетъ ни у киргизъ, ни у бурятъ). Нечего и говорить, что намекъ на другой родъ литературы вызываетъ у политиковъ инородческаго вопроса только улыбку. Зачѣмъ, говорятъ, искусственно вызывать явленія, въ которыхъ эти люди не нуждаются, не имѣютъ объ нихъ понятія и безъ нихъ могутъ прожить спокойно? не лучше ли позаботиться о болѣе серьезныхъ нуждахъ ихъ? Совершенно вѣрно! Но вѣдь никто и не собирается писать какую нибудь поэму въ стихахъ на остяцкомъ языкѣ. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы не мѣшали пробиваться росткамъ умственной жизни инородцевъ. У иныхъ, болѣе крупныхъ, инородческихъ племенъ, можетъ быть, явятся свои поэты, у другихъ, мелкихъ, письменность остановится на послугахъ матеріальнымъ потребностямъ; но пусть пришибаютъ эти ростки морозъ и иней исторіи и обстоятельствъ, а не мы съ своей политикой. Для оцѣнки развитія промышленности въ странѣ обыкновенно справляются, сколько въ ней потребляется сѣрной кислоты. Для оцѣнки развитія педагогическихъ средствъ въ народѣ можно бы смотрѣть на число, до котораго доходятъ популярныя міровыя произведенія. Полагаемъ, что ни на одномъ изъ языковъ нашихъ инородцевъ не имѣется перевода Робинзона-Крузо.

II.

ОЧЕРКИ ЧАСТНОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ СИБИРИ.

Пріисковое обычное право.—Преступленія.—Артельная расправа и наказаніе.—Администрація.—Расчетъ и выходъ съ пріисковъ.

Пріисковая рабочая артель, составленная изъ разнородныхъ, разнохарактерныхъ элементовъ, согнанныхъ и собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи и Сибири, сплочена въ одно цѣлое идеей товарищества. По пріисковому обычному праву, каждый отдѣльный членъ артели состоитъ подъ защитой цѣлой артели. Кражи и мошенничества признаются таковыми только тогда, когда онѣ совершены въ средѣ артели. Кражи у хозяина и всякая пакость противъ пріисковаго управленія не считаются дурнымъ дѣломъ. Впрочемъ кражи на пріискахъ очень рѣдки вслѣдствіе неудобства въ сбытѣ краденаго и отсутствія посредниковъ для сбыта. Личныя оскорбленія на словахъ составляютъ обыденныя явленія въ жизни рабочихъ и почти никакого значенія не имѣютъ, потому что брань на пріискахъ вошла даже въ обыкновенную разговорную рѣчь, въ поговорку. Случается, что и подерутся между собою рабочіе, но жаловаться ни пріисковому управленію, ни начальству не стануть—не прилично, не въ обычаѣ. Пострадавшій, если не помирится, то постарается отомстить самъ. Разныя скрытныя продѣлки рабочихъ противъ хозяевъ и пріисковаго управленія остаются безнаказанными, потому что артель не выдастъ виновника, никто не скажетъ о немъ;

выдать товарища—значитъ совершить преступленіе противъ всей артели. Доносчики,—по присковому выраженію, неудобному для печати, но соотвѣтствующему понятію о распутной женщинѣ,—наказываются артелью жестоко если не на самомъ присскѣ, то по выходѣ въ селенія. Артель, не скрывая, выдастъ только убійцу и, какія бы ни были причины, послужившія поводомъ къ убійству, артель всегда относится къ преступнику сочувственно, старается облегчить его участь хотя тѣмъ, что удѣлитъ ему лучший кусокъ изъ своей скудной пищи.

Случаи убійства на прискахъ довольно часты. Убиваетъ рабочій служащаго за жестокое обращеніе, убиваетъ товарища въ ссорѣ и дракѣ, убиваетъ донсчика-ябедника, убиваетъ женщину или ея любовника изъ ревности, убиваетъ иногда кого попало ни за что, съ единственной цѣлью избавиться отъ присковыхъ работъ: „дальше солнца не ушлютъ, говоритъ убійца, и въ каторгѣ нисколько не хуже присковъ“. Послушайте исповѣдь какого нибудь Ивана Безкоровайнаго и войдите въ положеніе этого рабочаго: нанялся онъ на приски, взялъ въ задатокъ пятьдесятъ рублей, предъ отправкой на присскъ взялъ одежды и обуви на двадцать рублей; уплатили за него податей двадцать рублей, уплатили за квартиру, за провозъ, и явился онъ на присскъ съ долгомъ во сто рублей. Зимой на присскѣ плата низка, заборъ не оправдывается, долгъ растетъ. Весной заболѣлъ цингой; поправился, вышелъ на работу; простудился, схватилъ горячку и пролежалъ почти все лѣто,—долгъ растетъ. Наступила осень, время расчета, заглянулъ въ расчетный листъ и, кажется, ничего не бралъ, кромѣ чаю, сахару, табаку, одной пары бродней да двухъ паръ рукавицъ, а долгъ выросъ до ста пятидесяти рублей. Желая отработать долгъ, остался онъ „взимовку“; понадобилась теплая одежда; въ магазинъ все дорого, а зимой плата низка, — долгъ опять растетъ. Наступила весна, заглянулъ въ расчетный листъ, долгу двѣсти рублей. Когда я отработаю этотъ долгъ! думаетъ рабочій, а управляющій прискомъ говоритъ: тебѣ не надо забираться, долженъ много. Просилъ къ Пасхѣ рубаху—не дали, просилъ бродни—говорятъ: починай старые. Не издыхать же мнѣ босому въ грязи по колѣна, возразилъ рабочій.—А, ты еще грубить? нѣтъ тебѣ и сахару! кричитъ управляющій. Что тутъ дѣлать, думаетъ рабочій, пойду лучше въ деревню, и бѣжить съ приска. Его поймали, поколотили сначала, а потомъ высѣкли, больно, крѣпко высѣкли и заставили работать. Проработалъ кое-какъ лѣто, смотреть, а долгу все около двухсотъ рублей. Осенью обращался ко всѣмъ золотопромышленникамъ; никто не нанимаетъ, говорятъ, долгу много. А тутъ еще законъ гласитъ: „и наваться къ другому золотопромышленнику дозволяется не иначе, какъ если этотъ послѣдній уплатитъ долгъ первому“. И погнали его опять къ старому хозяину отработывать долгъ. Работаетъ, а долгъ не убавляется. Выпиской стѣсняють пуще прежняго; служащіе ругаютъ и колотятъ... И приходитъ онъ къ такому заключенію: нѣтъ, видно, издохнешъ на работѣ, а долга этого проклятаго не отработаешь. Измучили работы, надоѣли служащіе, опротивѣлъ хозяинъ, не глядѣлъ бы на присскъ... Бѣжать... поймають— больно деруть... Безвыходное положеніе! Золь сталъ рабочій, страшно золь и на себя, и на всѣхъ окружающихъ. А все равно, дальше солнца не ушлютъ, разсуждаетъ онъ, доведенный до крайности, и бьетъ кого попало...

По закону, на каждомъ присскѣ должна быть артельная расправа, состоящая изъ двухъ выборныхъ, избираемыхъ рабочими, и одного старосты, назначаемаго хозяиномъ. Артельной расправѣ предоставлено право рѣшать маловажные дѣла: о побѣгахъ рабочихъ, ссорахъ ихъ, о буйствѣ, дерзостяхъ и грубостяхъ противъ присковаго управленія и о прочемъ. Артельная расправа можетъ оштрафовать рабочаго тремя рублями, выдержать подъ арестомъ семь дней и наказать розгами, двадцатью ударами. Законъ этотъ не достигаетъ своей цѣли на прискахъ, потому что денежный штрафъ для должника рабочаго почти ничего не значитъ—пишите на него хотя тридцать рублей, все равно не отработаетъ ему долга; арестъ—съ нетерпѣніемъ ожидаемый отдыхъ; тѣлесное наказаніе чувствительно, но выборные смотрятъ на него взглядомъ артели, а артель смотритъ далеко не такъ, какъ смотрятъ присковыя управленія. Дерзкій грубіанъ, по мнѣнію присковаго управленія, негодяй, котораго нужно пороть, какъ сидорову козу, а по мнѣнію артели, молодець, который не дается въ обиду. Бѣглець, по мнѣнію присковаго управленія, лѣнтяй, котораго надо дуть, какъ собаку, а, по мнѣнію артели, нужно разобрать, отчего онъ бѣжалъ... За что же артель или представители ея, выборные, будутъ наказывать хорошихъ товарищей! Если выборные и согласятся наказать, то развѣ такого бѣглеца, который, уходя съ приска, унесъ вещи товарищей, и то не приговорятъ дать виновному больше двадцати ударовъ. Поэтому то присковыя управленія очень рѣдко обращаются къ суду артельной расправы, а ждутъ, когда пріѣдетъ на присскъ завѣдывающій полицейскою частію казачій урядникъ или самъ горный исправникъ. Они то и представляютъ изъ себя артельную расправу, на рѣшеніе которой не полагается апелляціи на прискахъ; они то и могутъ „пороть рабочихъ, какъ сидорыхъ козъ или какъ собакъ“. Встрѣчаются урядники такіе мастера своего дѣла, которые, пропустивъ въ себя „для храбрости“ стаканъ спирта, положатъ рабочаго подъ розги и во время экзекуціи дружески распрашиваютъ его: какой онъ губерніи уроженецъ, сколько имѣетъ отъ роду лѣтъ, холостъ или женатъ, давно ли ходитъ на приски, не хочетъ ли домой, не хочетъ ли покурить... Несчастнѣйшій страдалецъ на второй или третьей сотни ударовъ долженъ давать толковыя отвѣты! А горные исправники... Есть благородные золотопромышленники, которые съ восторгомъ отзываются объ отличавшихся когда то „строгостью“ исправникахъ: „Вотъ Иванъ Ивановичъ былъ исправникъ, такъ исправникъ! Положить, бывало, рабочаго, прикажетъ подержать, а самъ закуритъ сигару. Рабочаго сѣкутъ, а Иванъ Ивановичъ покуриваетъ и, пока не выкуритъ двухъ—трехъ сигаръ, не прикажетъ остановиться. Такъ бывало отпореть, что унесутъ каналью на азиямъ въ больницу“...

Низшія полицейскія обязанности на прискахъ исполняютъ казаки и урядники. Представителями высшей полицейской власти являются горные исправники. Наблюденіе за правильностью веденія горныхъ работъ и за правильностью записи золота въ книги лежитъ на обязанности горныхъ ревизоровъ. Всѣ они, какъ казаки и урядники, такъ исправники и ревизоры, получали мизерное жалованье отъ казны и хорошее вознагражденіе отъ золотопромышленниковъ, которые платили по числу находившихся у нихъ въ теченіе присковой операциі рабочихъ. Такъ, напримѣръ, горные исправ-

ники получали: на содержаніе ихъ по одному рублю съ рабочаго человѣка, въ жалованье по одному же рублю, а въ нѣкоторыхъ округахъ еще на содержаніе канцеляріи по пятидесяти копеекъ съ человѣка. Хотя вознагражденіе это выплачивалось не всегда аккуратно, но если въ вѣдѣніи горнаго исправника было двѣ-три тысячи рабочихъ, то онъ жилъ не дурно. При такихъ условіяхъ присковая полиція была поставлена въ полную зависимость отъ золотопромышленниковъ. Не уважить просьбы золотопромышленника значить лишиться вознагражденія отъ него. Впрочемъ, если бы и нашлся исправникъ—безсребренникъ, который захотѣлъ бы относиться къ золотопромышленникамъ строго, по закону, то онъ недолго бы и наслужилъ—золотопромышленникъ попросить кого слѣдуетъ и имъ дадутъ другаго исправника.

Перваго октября — день расчета присковыхъ рабочихъ. На болѣе отдаленныхъ отъ селеній прискахъ начинаютъ рассчитывать дни за два, за три раньше. Плохо работаютъ рабочіе послѣдніе дни передъ расчетомъ; одна у всѣхъ мысль: какъ бы поскорѣ вырваться изъ тайги; считаются не только дни, но и часы до расчета. Наступилъ, наконецъ, день расчета. Собрались рабочіе у конторы, рассчитываются, получаютъ паспорта, денежные додачи или квитанціи, спорять, шумять, бранятся. Одинъ кричитъ: бродни приписали лишніе, другой—рубаху, третій—заслуга мала. Но некогда спорить, надо поскорѣ убираться изъ тайги—снѣгъ въ горахъ выпалъ уже на аршинъ.

Отвалили рабочіе съ приска партіями человѣкъ по десяти, по двадцати. Идутъ скоро, торопятся; несутъ за плечами котомки съ имуществомъ и сухарями; идутъ въ холодъ, слякоть и непогодъ; идутъ и проклинаютъ тяжелую присковую жизнь и таежную дорогу. Дорогой партіи разбиваются: кто сильнѣе на ноги—уходитъ впередъ, кто послабѣе—отстаетъ. Кто пораньше вышелъ съ приска, тотъ дотянулся до зимовья и ночуетъ въ теплѣ, а кто запоздалъ — ночуетъ

подъ развѣсистой елью, разложивъ огонекъ. Много прискательскихъ головъ остается подъ елями спать вѣчнымъ сномъ. Узналъ недобрый товарищъ, что спутникъ его несетъ золото, отхватилъ ему сонному топоромъ голову, обобралъ спутника, запряталъ его подалеже въ лѣсъ и отправляется въ село пропивать золото.

На зимовьяхъ зимовщики день и ночь ведутъ оживленную торговлю: одному рабочему продай крынку молока, другому—бѣлаго хлѣба, третьему—рыбы, четвертому—мяса, пятому—бутылку вина. Больше всего спрашиваютъ вина. Берутъ зимовщики бродни, рукавицы, голяшки, подошвы и золото; а больше всего спрашиваютъ, нѣтъ ли золота.

Вотъ партія рабочихъ, добравшись до рѣки, устроила себѣ плотъ. Рады рабочіе отдохнуть на плоту; весело садятся: „ну, вези, бурка!“ и плывутъ внизъ по рѣкѣ. Но бурка съ норовомъ, не всегда аккуратно вывозитъ: иной разъ затащитъ на камень или подъ древесный наносъ и искупааетъ пассажировъ въ холодной осенней водѣ, а то и совсѣмъ потопитъ.

На рубежѣ тайги встрѣчаютъ прискателей жители ближайшихъ деревень съ лошадьми и виномъ.

— Здорово, ребята, кричатъ прискатели.—Что, желторотые, обирать насъ пріѣхали? Есть вино, што ли?

Пошто обирать, братцы,—везти васъ пріѣхали. Вино есть, рубль бутылка.

— Давай!

Выпили съ устатку, охмѣлѣли, зашумѣли. Кто послабѣе—свалился гдѣ нибудь подъ кустомъ и спитъ богатырскимъ сномъ. Проснулся—товарищѣй нѣтъ, уѣхали; въ головѣ трещить, въ карманахъ пусто.

Окончился выходъ рабочихъ съ присковъ. Донесутъ урядники исправникамъ, а исправники по начальству, что „все обстоитъ благополучно“, за исключеніемъ двухъ, трехъ утонувшихъ... и замолкнетъ опять тайга до января мѣсяца.

Азъ.

СТУДЕНЧЕСКІЯ И ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ СИБИРЯКА.

Продолжая начатыя воспоминанія, мнѣ хочется коснуться нашего литературнаго воспитанія и вспомнить развитіе нашихъ товарищѣй, выходившихъ на литературное поприще. Конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ были эпохою, когда литературныя стремленія и страсти охватывали живо общество и всѣхъ близко стоявшихъ къ просвѣщенію. Даже въ отдаленную провинцію и въ Сибирь проникала струя литературнаго увлеченія. Проѣзжія служащія лица, студенты, появлявшіеся на вакатъ въ городахъ Сибири, завозили новости, слухи, и эти вѣсти въ безжизненномъ обществѣ, среди апатіи, невѣдѣнія звучали тѣмъ рѣзче и неотразимѣе. Кто то проѣхалъ на Амуръ и закинулъ вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, наѣхали студенты съ новыми взглядами и теоріями, проскакалъ черезъ Сибирь какой то литераторъ. Помню проѣздъ черезъ Сибирь С. В. Максимова и впечатлѣніе, произведенное этимъ проѣздомъ; старомодные учителя въ нашемъ городѣ сдѣлали для него литературный вечеръ, вытщавъ свои запыленные тетрадки и диссертациі. Здѣсь было много комичнаго, чего и не подозрѣвалъ проѣзжій, но

что раскрылось послѣ. Супъ и пироги готовили въ особой квартирѣ и везли черезъ цѣлый городъ, обдумывали пріемъ, чтобы показаться „образованными“.—Вѣдь петербургскій литераторъ! говорилъ намъ, гимназистамъ, старый учитель и прибавлялъ, подмигивая:—Литераторъ, съ нимъ надо уху остро держать, пожалуй, еще опишетъ! Такъ рассуждалъ самый образованнѣйшій изъ нашихъ менторовъ, тотъ самый, который Пушкина въ гороховомъ пальто видалъ въ лѣтнемъ саду, а про другихъ и говорить было нечего.

Телеграфа не было, газеты мало читали, журналы также, общество не было еще приучено къ чтенію; новость открывалась случайно и внезапно. Нѣтъ, нѣтъ, да кто нибудь и наткнется на новую невиданную книжку журнала или въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ откроетъ такую смѣлую штуку, которая ранѣе и во снѣ не снилась. Правда, и въ сибирскомъ обществѣ находились чуткіе наблюдатели и комментаторы новаго вѣянія, но это были избранныя по способностямъ, или слишкомъ исключительныя, закинутыя въ Сибирь, личности, которыя бесѣдовали и предусматривали событія въ кабине-

тахъ и тѣсною кружкѣ. Общество же было лишено предвѣдѣнія.

Наконецъ, шлохнулась, помню, и наша старая гимназія. Какими то путями проникъ въ нее Бѣлинскій, за котораго мы съ жадностью ухватились. Странно, онъ проникъ къ намъ помимо рекомендаціи нашихъ учителей словесности, а чего, чего эти учителя не передавали намъ на досугѣ изъ своихъ личныхъ воспоминаній и воспитанія въ 40-хъ годахъ. Рассказывали, въ какихъ треуголкахъ ходили; повторяю, нѣкоторые Пушкина въ гороховомъ пальто выдали въ лѣтнемъ саду, а о Бѣлинскомъ хоть бы слово. Но товарищи начали знакомиться со многимъ и другимъ уже изъ современной литературы. Я говорилъ уже, какое впечатлѣніе произвелъ своимъ появленіемъ Щукинъ *); онъ первый привезъ въ нашъ городъ литературныя новости и развивалъ кругомъ любовь къ литературѣ. Кружокъ гимназистовъ былъ его поклонниками, онъ добывалъ всѣ лучшія сочиненія, проливалъ новый свѣтъ на Гоголя, трогалъ живыя темы, философствовалъ, училъ, составлялъ литературныя бесѣды и вечера. На этихъ вечерахъ собирался старшій и малый. Помню зрителя кузнецкаго училища Николая Ивановича Анашина, одного изъ прекрасныхъ и умныхъ старцевъ, къ которому ѣздилъ Бунинъ играть въ шахматы; помню даровитаго самородка, управляющаго пріисками и конторою Д..., чловѣка съ замѣчательными историческими познаніями. Они со Щукинымъ вели споры и безконечные разговоры, интересуюсь событіями.

У насъ, гимназистовъ, былъ небольшой кружокъ, также чуткій къ литературѣ. Мы уже ранѣе кое-что читали, любили Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, кое-кто пописывалъ стихи. Щукинъ взялся направлять наши литературныя призванія, лелѣялъ ихъ и поощрялъ всѣми средствами. Въ открытіи талантовъ онъ доходилъ до комическаго обольщенія. Встрѣтивъ, на примѣръ, купеческаго сына, пишущаго стишки, онъ воображалъ, что открылъ поэта и озабоченно говорилъ, что его опыты надо послать Добролюбову и т. д. Наши дѣтскія произведенія онъ выслушивалъ со вниманіемъ и разбиралъ, въ какой журналъ они могли войти. Здѣсь была масса обольщенія, но въ тоже время это поощряло насъ работать и открывать свои призванія.

Самъ Щукинъ былъ несчастный литераторъ, писавшій всю жизнь, но печатавшій развѣ $\frac{1}{1000}$ написаннаго. Въ эту эпоху таланты открывались въ глуши экспромтомъ, эманципаторы видѣли всюду самородковъ. Временами дѣйствительно встрѣчались явленія оригинальныя. Помню рассказъ И. В. Оедорова — Омулескаго объ иркутскомъ поэтѣ Красноперовѣ. Красноперовъ этотъ происходилъ изъ мѣщанъ, заѣхалъ въ Сибирь, былъ на Амурѣ и по поводу завоеванія Амура написалъ стихотвореніе или пѣсню, которая быстро разошлась. Узнавъ объ этомъ поэтѣ, графъ Муравьевъ-Амурскій вздумалъ покровительствовать таланту. Красноперову было за 20 лѣтъ, но его взяли учить и опредѣлили въ гимназію, въ 1-й классъ. Будущій поэтъ однако согласно возрасту и обстоятельствамъ наклоненъ былъ болѣе къ водкѣ, и воспитаніе не пошло. Талантъ его тоже не развертывался. У него были только наброски, очерки и многообѣщающія способности. Когда мода на него прошла и Иркутскъ охладѣлъ къ пьющему таланту,

онъ исчезъ съ горизонта. По рассказамъ И. В. Оедорова — Омулескаго, онъ явился однако въ Петербургъ и искалъ здѣсь покровительства своему призванію въ литературныхъ кружкахъ. Являлся даже къ Некрасову. Показалъ свои наброски, получилъ вспоможеніе и снова зацѣлъ. Такъ онъ дѣлалъ со многими.

Омулескій передавалъ, что это былъ чловѣкъ не безъ таланта, и Некрасовъ обольстился однимъ его стихотвореніемъ „Солдатка“.

„Солдатку“ эту, недоконченное произведеніе, поэтъ совалъ всѣмъ, обѣщалъ кончить, но жаловался на недостатокъ средствъ. Скоро петербургскіе покровители также разочаровались въ немъ, и онъ опустился въ преисподнюю подваловъ, ночлежныхъ пріютовъ и роспивочныхъ.

Когда онъ считался похороненнымъ и я успѣлъ гдѣ-то упомянуть о немъ, какъ о погибшемъ съ годъ назадъ, тотъ же Омулескій замѣтилъ мнѣ, что Красноперовъ вовсе не умеръ и онъ его еще видѣлъ недавно при оригинальныхъ обстоятельствахъ.

Онъ явился разъ къ Омулескому и попросилъ ночлега, что и прежде бывало не рѣдкостью.—Откуда ты появился? спросилъ его пріятель.

— Изъ Мойки прямо, отвѣчалъ несчастный поэтъ—неудачникъ.—Хотѣлъ топиться, да городской, чортъ его возьми, багромъ вытащилъ, да вотъ бокъ распоролъ!.. Дѣйствительно бокъ былъ распоротъ. Такова была судьба этихъ призваній! Послѣ этого Красноперовъ опять исчезъ и, можетъ быть, покончилъ уже болѣе удачно въ Мойкѣ или Обводномъ каналѣ. Омулескій, нимало не обольщенный Красноперовымъ и знавшій всѣ его слабыя стороны, говорилъ, что это была дѣйствительно натура не безъ дарованія. У него было чутье къ литературѣ, и Омулескій былъ пораженъ разъ, когда Красноперовъ, лежа на печкѣ, сдѣлалъ ему подробную оцѣнку и анализъ романовъ Рѣшетникова, достойный художника. Но эта натура, какъ видимъ, такъ и погибла неразвитою и едва была тронута литературнымъ движеніемъ.

Явившись въ Петербургъ, насъ сразу обдало литературнымъ движеніемъ и охватило страстью къ литературѣ. Мы съ величайшей жадностью читали все выходящее изъ-подъ пера тогдашнихъ писателей. Я сейчасъ же пріобрѣлъ избранную бібліотеку изъ всѣхъ лучшихъ произведеній русской литературы. Интересы литературы близко касались тогдашней учащейся молодежи. Мы читали, спорили, философствовали, многихъ писателей знали въ лицо. На похоронахъ Мартынова я видѣлъ, какъ давала мѣсто учащаяся молодежь любимымъ писателямъ. Помню, толпа задержала около могилы В. С. Курочкина, но вдругъ раздалась масса голосовъ: „Господа, Курочкина не пускають. Пропустите! вѣдь это Василій Степановичъ Курочкинъ!“ Здѣсь же я видѣлъ, въ студенческомъ еще мундирѣ и съ моноклемъ въ глазу, тогдашняго поэта, впоследствии „извѣстнаго“ Всеволода Крестовскаго.

Знакомство съ литераторами и редакціями у насъ завелось не съ разу. Мы немало читали, но не всѣ кинулись писать и не всѣ были къ этому готовы. Одинъ изъ самыхъ подготовленныхъ былъ Г. Н. П—нъ. Явившись въ Петербургъ учиться безъ средствъ, онъ вынужденъ былъ испробовать литературное призваніе и дебютировалъ не безъ успѣха. Его участіе началось въ „Русскомъ Словѣ“, гдѣ онъ помѣстилъ

*) См. литературныя воспоминанія—№ 6 «Восточное Обозрѣніе» за 1884 г.

воспоминанія о присковой жизни, а затѣмъ „Полгода проведенные въ Алтаѣ“, одно изъ свѣжихъ и интересныхъ своихъ воспоминаній. Гонораръ, полученный имъ, послужилъ поддержкою его скромнаго существованія. П. жилъ подвижнически—получивъ деньги, онъ прежде всего накупалъ книгъ, а затѣмъ небольшой остатокъ соразмѣрялъ такъ, чтобы едва существовать, и иногда довольствовался хлѣбомъ и квасомъ. Одновременно онъ слушалъ лекціи въ университетѣ, и притомъ курсъ естественныхъ наукъ.

Другимъ литераторомъ изъ сибиряковъ, съ которымъ я встрѣтился, былъ И. В. Оедоровъ-Омулевскій. Его произведенія я читалъ уже у Щукина въ рукописи, который восхищался ими и предсказывалъ ему блестящую литературную карьеру. И. В. Оедоровъ въ тогдашнее время былъ очень молодъ, талантъ его развертывался исключительно подъ вліяніемъ обличительнаго направленія. Онъ писалъ массу сатирическихъ и юмористическихъ стиховъ, эпиграммы и т. д. Послѣ перваго знакомства онъ сообщалъ о намѣреніи создать газету, на подобіе „Искры“, имѣвшей огромное значеніе. Тѣмъ не менѣе я помню первый его неудачный литературный дебютъ съ сонетами Мицкевича, подвергшимися суровой критикѣ. Видя нынѣ въ покойномъ, а тогда въ юномъ И. В. Оедоровѣ талантъ, мы не могли не замѣтить всетаки нѣкотораго отсутствія серьезной научной подготовки. Желая быть современнымъ и тенденціознымъ, онъ насилывалъ себя и усваивалъ много чисто внѣшнимъ образомъ. Недостатокъ этотъ не исчезъ у него до самой смѣрти. Къ сожалѣнію, тогдашніе корифеи и покровители его развивали и поощряли въ немъ именно эту сторону, а безыскусственнымъ лирическимъ произведеніямъ его не придавали цѣны. Самъ Омулевскій, по настроенію тогдашней жизни, рвался сдѣлаться тенденціознымъ поэтомъ, для чего однако у него не было самаго главнаго—серьезнаго образованія, придающаго убѣжденіямъ силу и извѣстную самостоятельность взгляда. Онъ могъ быть только подражателемъ въ этомъ родѣ. Заурядная, шаблонная тенденція безъ подготовки губила только его талантъ, а съ другимъ родомъ поэзіи примириться онъ не хотѣлъ, какъ и соразмѣрить свои силы. Оттого въ его произведеніяхъ остается такъ мало безыскусственнаго и самостоятельнаго. Воспитанный извѣстной средой и петербургскимъ руководствомъ, онъ впоследствии испыталъ горькую участь быть осужденнымъ за отсутствіе поэтическаго таланта тѣми, кто болѣе всего способствовалъ невѣрному направленію этого таланта. Не входя въ оцѣнку [его литературной карьеры, мы должны сказать, что извѣстный талантъ въ немъ былъ, что натура эта была чуткая, впечатлительная, художественная, онъ любилъ литературу, воспитывалъ себя на ней и крѣпко работалъ. Масса силъ его впоследствии ушла на ремесленное добываніе куска хлѣба. Какъ горько доставался ему этотъ хлѣбъ, извѣстно изъ біографіи и некрологовъ.

Мы застали его въ блестящую пору его плановъ, надеждъ. Онъ былъ неистощимо веселъ и постоянно въ припадкахъ вдохновенія, хотя иногда и ложно направленнаго. Жилъ онъ, какъ художникъ и поэтъ. П., познакомившись съ нимъ, засталъ его живущимъ вмѣстѣ съ ученикомъ художественной академіи въ маленькой, но чистенькой квартирѣ, съ живописнымъ беспорядкомъ. Бывая у него, я припоминаю кучу горшковъ съ красками. Самъ И. В. Оедоровъ бывалъ изящно одѣтъ, опрятенъ, деликатенъ и конфузливъ. П. передалъ

мнѣ, что, сдѣлавъ ему первый визитъ, онъ засталъ его утромъ со щеткой въ рукахъ, что смутило очень хозяина, но онъ тотчасъ же отвѣтилъ гостю фразой.—„Извините, знаете—нашъ общій другъ Теккерей сказалъ, что, кто не имѣетъ прислуги, тотъ самъ себѣ комнату мететъ“. И. В. Оедоровъ въ это время съ своей деликатной красивой наружностью и поэтическимъ видомъ былъ любимцемъ женщинъ и, кажется, въ его молодости неразъ билось его сердце счастливымъ волненіемъ отъ побѣдъ надъ женщинами. Горькая жизнь впоследствии, конечно, стерла эти розы юности.

Послѣ И. В. Оедорова нашимъ знакомымъ и товарищемъ былъ выступавшій писатель, землякъ Н. И. Н—въ; тогда онъ еще не былъ извѣстенъ разказами изъ народной жизни. Прибывъ въ Петербургъ и начавъ, по обыкновенію, тяжелую, полную лишеній жизнь, онъ долженъ былъ скорѣе также приняться за перо и обработать свои наблюденія надъ солдатскою жизнью, давъ нѣсколько очерковъ въ „Свѣточѣ“, издававшемся Милюковымъ. Н. И. Н—въ имѣлъ уже опредѣленное призваніе и литературный навыкъ. Онъ началъ писать въ гимназій, конечно, съ подражаній, писалъ во время военной службы, упражнялъ себя во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній, хотя, конечно, вполне подѣтски, но у него выработался, благодаря этому, литературный слогъ и манера. Литературный талантъ его былъ замѣченъ сразу. Помѣстивъ свои очерки въ журналѣ, Н—въ получилъ доступъ въ одинъ литературный кружокъ, и я помню его восторженные разказы по возвращеніи съ вечеровъ, гдѣ онъ видѣлъ и такого то писателя, и такую то знаменитость. Удачный литературный дебютъ его по части разказовъ изъ военного быта не устранилъ однако испытываемой горькой нужды въ Петербургѣ и давалъ только временное и случайное обезпеченіе. Н. помѣщалъ кое-что въ знаменитой „Искрѣ“ и послѣ отъѣзда моего далъ очеркъ „На перевозѣ“, гдѣ уже намѣтился родъ его будущей дѣятельности. Н. былъ молодъ, веселъ и безпеченъ, какъ и всѣ мы. Литературный талантъ тогда однако не гарантировалъ его отъ бѣдственной жизни и скоро онъ долженъ былъ отправиться на родину, поступивъ въ коронную службу. Только черезъ нѣсколько лѣтъ онъ воротился опять къ своему призванію.

Н. Я.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Знаменитый версальскій конгрессъ, надѣлавшій столько шума, закрылся, принявъ законопроектъ о пересмотрѣ конституціи. Военныя дѣйствія съ Китаемъ начались уже официально; китайскій уполномоченный въ Парижѣ взялъ у французскаго правительства свои вѣрительныя грамоты и выѣхалъ въ Пекинъ. Такимъ образомъ дипломатическія сношенія порвались. Военныя суда какъ французскія, такъ и китайскія находятся подъ парами въ полной готовности начать военныя дѣйствія. Китайская бюрократія ведетъ себя невѣжественно, взывая къ войнѣ и возбуждая народъ, всюду слышатся угрозы европейцамъ. Пекинское правительство рѣшило предпочесть войну уплатѣ военной контрибуціи. Втайнѣ оно имѣетъ надежду на вмѣшательство другихъ европейскихъ державъ въ интересѣ ихъ торговли. Аннамъ также готовъ возстать противъ французовъ. Мандарины отравили аннамскаго короля, подписавшаго договоръ съ французами. Черные

флаги вновь появились массами и хозяйничают на водѣ и на сушѣ. Аннамитскіе правители хотѣли назначить новаго короля безъ предварительнаго согласія Франціи и протестовали противъ предоставленія французамъ участка земли внутри цитадели Гюэ. Твердость французскаго резидента, однако, разбила все эти притязанія правителей. Согласіе на избраніе короля испрошено и французы заняли отведенную имъ мѣстность внутри цитадели.

— Въ Бельгіи клерикальное министерство провело въ палатѣ законопроектъ о возобновленіи дипломатическихъ сношеній съ куріею. Противъ законопроекта возставали два бывшіе министра Фрэръ Орбанъ и Бара, защищали его два члена новаго кабинета. По выходѣ изъ засѣданія обѣ партіи осvistали и ошкарли одна другую. Произведены были демонстраціи въ Антверпенѣ и Брюсселѣ, на которыхъ приняты резолюціи требовать отставки клерикальнаго министерства.

— Англійское министерство послѣ неудавшейся конференціи хотя и высказалось, что апатія къ египетскимъ дѣламъ со стороны европейскихъ уполномоченныхъ развязываетъ ему руки, однако же внимательно прислушивается къ толкамъ европейскихъ дипломатовъ и къ сужденіямъ иностранной печати. Гладстонъ заявилъ въ палатѣ депутатовъ, что французское правительство требуетъ сохраненія договора по египетскому вопросу, договора, заключеннаго двумя державами передъ открытіемъ засѣданій конференціи. Германія, по словамъ того же Гладстона, недовольна собственно не англійскимъ проектомъ порядка разсмотрѣнія египетскихъ вопросовъ, а колониальнымъ вліяніемъ англійской націи на югѣ Африки, гдѣ Бисмарку пришла идея непремѣнно врѣзать нѣмецкій элементъ. Гладстонъ пояснилъ, что Англія, во первыхъ, слишкомъ сильна для того, чтобы опасаться соперниковъ, а во вторыхъ, слишкомъ миролюбива, чтобы тревожиться маленькимъ недоразумѣніемъ, которое впослѣдствіи должно разъясниться.

— Въ Германіи распространился было слухъ объ открытіи динамитнаго заговора противъ наслѣднаго принца, но слухъ этотъ оказался невѣрнымъ. Въ Хемницѣ собиралась тайная социалистическая сходка, на ней присутствовалъ парламентскій депутатъ Либкнехтъ. Въ дѣло вмѣшалась полиція и арестовала депутата, впрочемъ всего на сутки. На одномъ изъ пароходовъ, останавливающихся въ Гамбургѣ, была найдена масса анархическихъ сочиненій, напечатанныхъ въ Россіи и Польшѣ, кромѣ того, списки группъ анархической партіи въ Германіи и Австріи. Четыре арестованные матроса оказались анархистами. Бисмаркъ совѣщался съ Кальноки по вопросу объ оборонительныхъ мѣрахъ противъ опасностей анархистскаго движенія. По данному вопросу предполагается достигнуть общеевропейскаго согласенія.

— По извѣстіямъ изъ Египта, Суакимы оставленъ англичанами на произволъ судьбы, къ нему подступаетъ Османъ-Дигма съ большими силами; Хартумъ осаждаютъ 16 тысячъ суданцевъ, Берберъ палъ послѣ жестокаго боя, въ которомъ египетскій гарнизонъ перерѣзанъ инсургентами. Магди перевелъ главную квартиру изъ Эль-Обеида къ Рогодскому озеру. Могущественное племя бихарисовъ единогласно приняло его подданство. Передъ рамазаномъ Магди обратился къ суданскимъ шейхамъ съ прокламаціею такого содержания: „Тотъ, кто не изъявилъ мнѣ покорности, будетъ преданъ въ рабство! Каждый владѣющій пятью рабами долженъ отдать одного изъ нихъ для борьбы противъ невѣрныхъ. Не заботьтесь о воздѣлываніи вашихъ земель. Мы, остающіеся здѣсь, позаботимся объ этомъ за васъ. Впередъ!..“ Въ настоящее время Магди занятъ преобразованиемъ управленія своихъ обширныхъ владѣній, которыя, послѣ присоединенія къ нимъ дарфурскаго султанства, номинально занимаютъ территорію въ 31,000 квадратныхъ миль, съ населеніемъ приблизительно въ четыре милліона душъ. Онъ формируетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и армію. Кардофанская область раздѣлена на двѣ, а Дарфурская на три провинціи. Во главѣ каждой поставленъ „векиль“ (намѣстникъ), исполняющій, вмѣстѣ съ тѣмъ,

должность верховнаго судьи. Въ помощь ему данъ главный сборщикъ податей, взимающій налоги и посылающій ихъ въ Эль-Обейдъ. Въ каждой провинціи имѣются два генерала (лива)—одинъ для пѣхоты, другой для кавалеріи. Военская повинность обязательна для всѣхъ мужчинъ, начиная съ семнадцатилѣтняго возраста.

— Турція ведетъ переговоры съ Англіею объ отсылкѣ 10,000 человекъ турецкаго войска для подавленія возстанія въ Йеменѣ. Результатомъ пребыванія въ Константинополѣ черногорскаго князя Николая явилась турецко-черногорская конвенція по вопросу объ эмигрантахъ. Въ силу этой конвенціи будетъ образована коммиссія для разбора жалобъ, предъявляемыхъ мусульманскими выходцами, переселившимися изъ мѣстностей, уступленныхъ черногорскому княжеству. Рѣшенія коммиссіи будутъ имѣть силу закона.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Въ „Journal de St.-Petersbourg“ читаемъ: „Сообщаемыя во многихъ иностранныхъ газетахъ извѣстія о результатахъ изслѣдованія, къ которому было приступлено по случаю открытія въ Варшавѣ революціоннаго социалистскаго общества, до крайности преувеличены. Въ нихъ говорится о многочисленныхъ арестахъ, о складахъ динамита и оружія и объ обширныхъ замыслахъ означеннаго общества, состоящаго, будто-бы, по большей части, изъ русскихъ. По имѣющимся, совершенно достовернымъ свѣдѣніямъ, въ Варшавѣ, дѣйствительно, приступлено къ производству изслѣдованія объ одномъ революціонномъ обществѣ, имѣющемъ преступныя цѣли. При всемъ томъ, это изслѣдованіе повело къ аресту всего только 32 человекъ, и произведенными у подсудимыхъ домовыми обысками не открыто ни динамита, ни складовъ оружія, а найдены только разныя возмутительныя сочиненія и прокламаціи, короче сказать, обыкновенный инвентарь революціонныхъ обществъ. Въ числѣ арестованныхъ лицъ, трое принадлежатъ къ православному вѣроисповѣданію и 21 человекъ къ римско-католическому, кромѣ того, семь евреевъ и еще одно лицо, не принадлежащее къ поименованнымъ исповѣданіямъ“.

— „Южный Край“ сообщаетъ, что виновники беспорядковъ, бывшихъ въ Прилукскомъ, Пирятинскомъ и Зѣньковскомъ уѣздахъ, Полтавской губерніи, по случаю захвата крестьянами земли окрестныхъ помѣщиковъ и сопротивленія военной командѣ, преданы генералъ-губернаторомъ кievскимъ, подольскимъ и волынскимъ, генералъ-адъютантомъ Дрентельномъ, на основаніи 17-го пун. прав. объ усил. охр., военному суду. Предварительное слѣдствіе было произведено судебными слѣдователями округа полтавскаго суда, представившими затѣмъ все производство прокурору харьковской судебной палаты, который и переслалъ его въ Кіевъ.

— Министерство народнаго просвѣщенія недавно, по словамъ „Зари“, обратилось черезъ подлежащіе органы свои съ запросами къ разнымъ, въ особенности финансовымъ, учреждениямъ, гдѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, состоятъ на службѣ гг. профессора, на счетъ того: на сколько совмѣстимы эти постороннія должности съ ихъ педагогической (ученой) дѣятельностью.

— Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, въ видахъ необремененія учениковъ гимназій частой перемѣной учебниковъ, предписываетъ не замѣнять учебниковъ новыми прежде истеченія двухъ лѣтъ и преподаваніе каждаго предмета заканчивать по начатому учебнику. Преподаватель, желая перемѣнить учебникъ, вноситъ въ педагогическій совѣтъ письменное заявленіе съ подробными мотивами („Р. В.).

— „Новое Время“ сообщаетъ, что обсужденіе университетскаго устава, въ виду возникшихъ разногласій, передается особому совѣщанію нѣсколькихъ министровъ и высшихъ сановниковъ.

— На разсмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія поступили соображенія о возможномъ ускореніи открытія ме-

дицинскаго факультета при Новороссійскомъ университетѣ. („Моск. Вѣд.“).

— Въ Якутскѣ разрѣшено учредить духовную семинарію, на которую, вмѣстѣ съ училищемъ, казна будетъ отпускать ежегодно 25,065 рублей („Нов. Вр.“)

— Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ: 6-го августа 1884 года министр внутреннихъ дѣлъ опредѣляетъ — вновь допустить розничную продажу нумеровъ „Новости“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 4 февраля сего года, и 13-го августа 1884 года министр внутреннихъ дѣлъ опредѣляетъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Русскія Вѣдомости“, воспрещенную распоряженіемъ отъ 28 мая сего года.

— „Русскія Вѣдомости“ передаютъ, что тамбовскому учителю Никшу разрѣшено изданіе „Русско-чешская бібліотека“ на двухъ языкахъ.

— По слухамъ, передаваемымъ газетой „Эхо“, журналъ „Зодчій“ будетъ возобновленъ при правительственной субсидіи.

— „Новостямъ“ доставлено очень важное изданіе иностранной печати: „Лѣтопись Нестора во французскомъ переводѣ“. Это огромный томъ большаго формата in-8°, озаглавленный такъ: „Chronique dite de Nestor“ (Несторова или первоначальная лѣтопись), traduite sur le texte slavon-russe avec introduction et commentaire critique par Louis Leger, professeur à l'école des langues orientales vivantes. Paris, Ernest Leroux, éditeur, 1884“. Переводъ нашей древней лѣтописи составляетъ, безъ сомнѣнія, капитальное приобрѣтеніе французской ученой литературы и, въ то же время, является своего рода событіемъ.

— Въ Петербургѣ будетъ издаваться педагогическая газета подъ редакторствомъ Солодѣва („Р. В.“).

— „Новое Время“ передаетъ, что подъ редакціей директора археологическаго института Н. В. Калачова будетъ издаваться вновь „Вѣстникъ археологіи и исторіи“.

— По словамъ газеты „Эхо“, недавно въ Тифлисѣ вышелъ 1-й № грузинской газеты „Моамбэ“ (Вѣстникъ). Редакторъ ея, Н. Д. Канаковъ, выпустилъ №, чтобъ не потерять права на изданіе.

— „Спб. Вѣд.“ пишутъ изъ Канева, Кіевской губерніи, что 20 юлія тамъ поставленъ чугунный крестъ на могилѣ Шенченко. Въ этомъ же году оправлена и огорожена могила его, бывшая до сихъ поръ въ сильно запущенномъ видѣ. Около могилы выстроена изба для сторожа. Расходъ этотъ сдѣланъ на средства В. В. Тарнавскаго и полтавскаго губернскаго земства, ассигновавшаго 500 руб.

— Въ С.-Петербургѣ, 7 августа, состоялось открытіе статуи Пушкину.

— „Русскія Вѣдомости“ передаютъ, что надняхъ государственнымъ совѣтомъ разрѣшенъ отпускъ 6,000 руб. на производство изысканій для сооруженія новой желѣзной дороги отъ Кунграда къ Каспійскому морю.

— „Русскимъ Вѣдомостямъ“ сообщаютъ, что постройку сибирской дороги предполагается произвести хозяйственнымъ способомъ, отдавая въ подрядъ частнымъ лицамъ и желѣзнодорожнымъ обществамъ.

— По словамъ газеты „Эхо“, предполагается сооруженіе желѣзной дороги въ Восточной Сибири, отъ Владивостока до Хабаровки.

— „Русск. Кур.“ сообщаетъ, что вопросъ о примѣненіи переносныхъ желѣзныхъ дорогъ на нѣкоторыхъ изъ золотыхъ пріисковъ въ Сибири и между прочимъ на пріискахъ, принадлежащихъ кабинету Его Величества. Государя, уже нашелъ себѣ практическое примѣненіе.

— По сообщенію „Прав. Вѣстника“, въ настоящее время въ городѣ Чемкентѣ (Сырѣ-Дарьинской области) устраивается новый химическій заводъ съ исключительною цѣлью вырабатывать изъ цитварнаго сѣмени сантонинъ, имѣющій чрезвычайно важное значеніе въ медицинѣ.

— „Нов. Время“ сообщаетъ, что въ средѣ врачей, управляющихся на международный медицинскій конгрессъ,

поднять вопросъ о пользѣ предложенія устройства послѣдующаго конгресса въ Петербургѣ.

— „Спб. Вѣдом.“ передаютъ, что послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе „франко русскаго общества“ для изготовленія предметовъ заводскаго и фабричнаго производствъ, также для содержанія и устройства потребныхъ для этого промышленныхъ заведеній. Капиталъ общества 2.000,000 руб. Правленіе будетъ находиться въ Петербургѣ.

— Въ „Times“ пишутъ изъ С.-Петербурга, что изъ Зайдама отъ 7-го мая (нов. ст.) получена телеграмма отъ полковника Пржевальскаго. Экспедиція подвигается къ источникамъ Желтой рѣки. Состояніе здоровья экспедиціоннаго корпуса, по словамъ Пржевальскаго, прекрасно. Путешествіе пока совершалось безпрепятственно, и нападены со стороны туземныхъ племенъ не было („Русск. Кур.“).

— По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, изъ отчета крестьянскаго банка по 1 августа видно, что крестьянами приобрѣтено земли 218,912 десят., на сумму 11.777,000 руб. Выдано въ ссуду 19.930, 024 руб. Министерствомъ финансовъ съ будущаго года, какъ передаетъ та же газета, проектируется значительно увеличить районъ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка учрежденіемъ нѣсколькихъ новыхъ отдѣленій въ наиболѣе нуждающихся въ земельномъ кредитѣ мѣстностяхъ.

— „Новое Время“ передаетъ, что генералъ-губернаторъ новаго Приамурскаго генералъ-губернаторства генералъ-адъютантъ А. Н. Корфъ, находящійся въ настоящее время въ имѣніи близъ станціи Лозовой, надняхъ выѣзжаетъ во вѣранный ему край сухимъ путемъ черезъ Сибирь.

— 2 августа въ Казани взорвало полировальную мастерскую и сушильню казанскаго пороховаго завода. „Волжскій Вѣстникъ“ передаетъ слѣдующія подробности о жертвахъ этой катастрофы. Изъ 12 труповъ убитыхъ цѣлымъ найденъ только одинъ татаринъ, остальные 11 собраны по кускамъ, изъ которыхъ нѣсколько висѣло на вѣтвяхъ деревьевъ. О силѣ взрыва можно судить по тому, что одинъ трупъ найденъ въ Лебяжьемъ озерѣ, находящемся на разстояніи трехъ верстъ отъ мѣста катастрофы. Раненыхъ оказалось 7 человекъ. На выздоровленіе двоихъ изъ нихъ нѣтъ никакой надежды; одинъ сильно опаленъ, другой почти сплюсненъ подъ развалинами полировальной. Одинъ больной, вѣроятно, скоро поправится; при взрывѣ въ полировальной, онъ выкинутъ былъ вслѣдъ за крышей и отброшенъ на значительное разстояніе, остальные получили болѣе или менѣе значительныя поврежденія отъ ударовъ кирпичами и всѣ покрыты ранами.

— „Сѣв. Тел. Аг.“ въ телеграммѣ изъ Новочеркасска отъ 8 августа передаетъ, что тамъ по случаю трехсотлѣтней годовщины со времени кончины Ермака Тимофеевича въ соборѣ отслужена 6 августа заупокойная литургія и панихида. Присутствовали начальствующія лица, станичные атаманы и депутаты десяти ближайшихъ къ Новочеркаску станицъ.

— „Варш. Дневн.“ передаетъ, что Дегаевъ арестованъ за границей и отправленъ въ С.-Петербургъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Село Медвѣдское Барнаульскаго окр., Томской губ. Якову Степановичу Вольнскому. Посланныя вами въ мартѣ 1884 года деньги чрезъ книжный магазинъ г. Попова получены въ редакціи лишь 9-го августа. Послѣ открытаго вашего письма къ намъ, газета немедленно выслана на ваше имя. **Просимъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе** на то, что при подпискѣ чрезъ магазины редакція не можетъ отвѣчать за немедленную высылку газеты въ силу того, что требованія изъ магазиновъ доставляются не всегда по полученіи. Контора редакціи ручается за своевременную высылку газеты лишь въ такомъ случаѣ, если требованіе и письмо адресовано непосредственно въ редакцію газеты—С.-Петербургъ, Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3, или въ контору—Конногвардейская ул., д. 55, кв. 17.